

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.

Отд. МѢС продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30 Января.

СОДЕРЖАНІЕ: Объединеніе дѣятельности народных театровъ.—Отъ великаго до жалкаго (окончаніе). *Ив. Иванова*.—Буржуазное искусство. *А. Ростиславова*.—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію. *М. Разсудова*.—Музыкальныя замѣтки. *Б. М. Соловьева*.—Впечатлѣнія и замѣтки. *Ното попис*.—Плясунья (повѣсть). *М. А. Любимова*.—Страничка изъ исторіи Тифлискаго театра.—ога.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

№ 5.

Рисунки: Макбетъ (*И. А. Суворова*). Нора (*А. А. Ростиславова*). Дѣтскія головки (*А. Бема*). Прекрасная Елена (2 рис.). Тифлисскій театръ въ 1851 г.

Портреты: М. Н. Ермоловой, Стрѣльскаго (3 порт.). *Э. Э. Кокошкина*, Н. Э. Соловьева, Дж. Рескина.

Приложеніе: «Неугомонная», ком. *П. М. Невожина*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

Подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера.

С.-Петербургъ, 30 января.

Къ намъ непрерывно поступаютъ запросы отъ лицъ, принимающихъ близкое участіе въ дѣлѣ устройства народных театровъ и увеселеній. Спрашиваютъ о многомъ: о томъ, напр., каковъ долженъ быть народный театръ по формѣ — продолговатый ли, т. е. по типу обыкновенныхъ театровъ, или полукруглый, въ формѣ амфитеатра, какъ театръ Невскаго О-ва устройства народныхъ развлеченій, типу котораго рекомендуетъ слѣдовать въ одной изъ своихъ резолюцій 1-й Съѣздъ сценическихъ дѣятелей; затѣмъ—спрашиваютъ, какъ нанимать актеровъ,—по вольному ли найму, или же заключать контракты? Гдѣ купить костюмы? Какія нужны декорации? Можно ли и слѣдуетъ ли довольствоваться любительскими силами? И пр. и пр. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, устройств народных театровъ занимаютъ даже самыя примитивныя вопросы театральнаго устройства, не говоря уже о художественной сторонѣ дѣла, которая, какъ у насъ неоднократно отмѣчалось, обстоитъ почти вездѣ (въ томъ числѣ и въ столицахъ) далеко не благополучно. Народный театръ у насъ дѣло почти совершенно новое, какъ новы и самыя

понятія о необходимости постановки дѣла народныхъ увеселеній на болѣе широкія и твердыя начала. Только съ введеніемъ попечительства явилось ясное сознаніе, что народу необходимы развлеченія, которыя отвлекали бы его отъ пьянства. Министерству Финансовъ принадлежитъ несомнѣнно въ этомъ дѣлѣ починъ, а главное—изъ его средствъ ассигнуются, въ общей суммѣ, громадныя субсидіи народнымъ театрамъ. Явились средства—явились и люди, готовые служить дѣлу народнаго театра. Но одного «хотѣнья» мало. Нужны опытность, навыкъ, которыхъ недостаетъ тѣмъ, кто руководить устройствомъ народныхъ зрѣлищъ, бродя въ потемкахъ и не зная, за что взяться. Только поэтому мы и сталкиваемся съ такими фактами, какъ въ Пермскомъ попечительствѣ, гдѣ на народныя увеселенія затрачено 7,2% всѣхъ поступившихъ суммъ, тогда какъ почти вся остальная сумма употреблена на устройство чайныхъ, столовыхъ и читальнъ. Устройство разныхъ чайныхъ и читальнъ не требуетъ особой опытности, особыхъ знаній, и вотъ почему, дѣятельность попечительства направлена, главнымъ образомъ, въ эту сторону.

Всѣ эти факты ясно говорятъ о томъ, что необходимо какое-нибудь руководящее начало въ дѣлѣ устройства народныхъ зрѣлищъ.

Нашъ взглядъ мы высказали въ прошломъ году, въ одной изъ статей, посвященныхъ этому вопросу. Это—дѣло всецѣло Министерства Финансовъ. Ему принадлежитъ починъ, который, какъ говорится, дороже денегъ; ему же принадлежатъ деньги, безъ которыхъ, какъ безъ четырехъ угловъ, изба не строится. Рано или поздно, Министерство Финансовъ придетъ къ заключенію, что безъ общаго плана, безъ наказа, безъ пособія театральной тех-

ники и свѣдущихъ лицъ, значительныя суммы, расходуемая на попечительства, не достигаютъ тѣхъ результатовъ, которыхъ въ правѣ было ожидать министерство. Никто не сомнѣвается въ готовности общества, но нельзя не усомниться въ компетентности частныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи частной дѣятельности было оказано, быть можетъ, слишкомъ много довѣрія.

Будетъ ли созванъ съѣздъ или учреждена при министерствѣ комиссія для выработки общихъ положеній—вопросъ второстепенный. Но на ряду съ выработкой наказа, необходимо создать какое нибудь постоянное учреждение, въ которомъ бы сосредоточивался надзоръ за веденіемъ дѣла. Самое устройство зданій—можно ли его, напримѣръ, предоставлять усмотрѣнію мѣстнаго уѣзднаго архитектора? Намъ извѣстны «дома попечительства», въ которыхъ большая половина, самая эlegantная и удобная, отведена подъ дамскія комнаты. Есть зданія, гдѣ сцена такъ мала и неудобна, что кромѣ водевиля «Азъ и Фертъ» едва ли можно что нибудь поставить. Да и мудреного тутъ мало. Театральная техника у насъ имѣетъ характеръ устнаго преданія, переходящаго отъ отца антрепренера къ антрепренеру сыну, или отъ режиссера къ помощнику. И если въ уѣздномъ или губернскомъ городѣ нужно строить театръ, — удивительно ли, что мѣстный архитекторъ строить его по наитію, по свободному вдохновенію?

Министерство Финансовъ такъ много сдѣлало для народнаго театра, что взоры людей, преданныхъ этому дѣлу, надѣмся, не напрасно обращаются къ руководителю нашего финансового вѣдомства. Утверждать планы построекъ, выработать общихъ наказъ, учредить инспекцію, слѣдить чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ за дѣятельностью попечительства—такова программа, которую желательно было бы осуществить чрезъ посредство органовъ министерства.

Быть можетъ, съ доктринерской точки зрѣнія наше предложеніе покажется излишнимъ стѣсненіемъ общественныхъ силъ. Но мы разсуждаемъ практически, тѣмъ болѣе, что «неорганизованныхъ» общественныхъ силъ не бываетъ. Докладъ департамента, который мы имѣли уже случай цитировать, вынужденъ сознаться, что устройство попечительства было основано на «фигціи». Эта фикція—предположеніе, что представители различныхъ вѣдомствъ, думъ и земства окажутся по вопросу о народныхъ развлеченіяхъ какимъ-то органическимъ цѣлымъ. Въ дѣйствительности, получилось раздробленіе власти, отвѣтственности и инициативы.

Намъ могутъ возразить, что Министерству Финансовъ, при его обширной и многосторонней дѣятельности, недосугъ руководить дѣломъ народныхъ театровъ, и что слѣдуетъ передать эти театры всецѣло въ руки думъ и земствъ, съ субсидіей отъ казны. Судя по тому, какъ думы хозяйничаютъ съ городскими театрами, нельзя ожидать особенно блестящихъ результатовъ въ дѣлѣ народныхъ театровъ. Главное же — не будетъ того единообразія въ веденіи дѣла, того общаго плана, одобреннаго авторитетными людьми, которые являются главнѣйшимъ залогомъ преуспѣянія. И въ чемъ же стѣсненіе общественной дѣятельности, если министерство выработаетъ общія начала? Репертуаръ — весь во власти мѣстныхъ комитетовъ; въ ихъ же власти вся постановка и вся режиссерская часть. За то была бы достигнута равномѣрность, и въ одномъ городѣ не тратили бы на театръ 70%, тогда какъ въ другомъ 90% всѣхъ суммъ, отпускаемыхъ попечительствамъ, какъ это наблюдается теперь...

Отъ великаго до жалкаго.

(Окончаніе *).

VI.

Вотъ, напримѣръ, цѣлая галлерей скандинавскихъ героевъ. Необыкновенно яркая и живописная! Даже въ Парижѣ, гдѣ искони вѣковъ привыкли видѣть свѣтъ только въ своемъ окошкѣ, оставились въ изумленіи предъ иными пришельцами. Ужъ не новое ли слово несутъ съ собой эти странные люди? Не приходитъ ли конецъ старой семьѣ и старому обществу, если дѣйствительно на свѣтъ существуютъ Штокманы и Норы.

Принято считать послѣднимъ словомъ гуманной политики — демократизмъ, и рѣшительнымъ фактомъ историческаго прогресса — власть народа въ самомъ прямомъ смыслѣ. И вотъ выступаетъ герой, громогласно объявляющій всѣ эти послѣднія слова жизни и науки — презрѣнной ересью. Во всѣхъ парламентахъ и вообще вездѣ среди культурнаго общества всѣ вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, — Штокманъ доказываетъ, что именно большинство всегда неправо и даже неспособно быть правымъ. Оно стихійно, потому что *большинство* всегда состоитъ изъ людей менѣ развитыхъ, менѣ свободныхъ и менѣ честныхъ. Оно, по самому существу, исполнено предразсудковъ, страха предъ всякой новой и свѣжей идеей, упорно держится за насиженный порядокъ вещей. Оно только лицемѣрно либерально и шарлатански прогрессивно. На самомъ дѣлѣ, — оно готово ежеминутно возстать на истиннаго независимаго представителя свободы и прогресса — на *личность*.

Только отдѣльный человѣкъ — оригинальный и смѣлый въ своей оригинальности — и есть дѣйствительный человѣкъ, — а большинство та же чернь, толпа, стадо — эгонстическое и консервативное. Въ результатъ: „самый сильный человѣкъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто стоитъ одинокомъ“.

Видите, — теченіе идей совершенно то же самое, какъ и у Ницше, — и выводъ тотъ же, съ единственной разницей: Ибсенъ старается рѣшить задачу практически, Ницше даетъ лирической отвѣтъ. Ибсенъ — политикъ, Ницше — поэтъ и актеръ; Ибсенъ лично здоровая организція, физически сильная и нравственно закаленная, — Ницше — весь изъ нѣжныхъ и наприжненныхъ нервовъ, звучащихъ — даже противъ его воли — болѣзненными отзвуками на воли внѣшняго міра. И одинъ заканчиваетъ свое разсужденіе программой дѣйствій, спокойной, разсудочной, другой — въ порывѣ лихорадочнаго вдохновенія — набрасываетъ рядъ страстныхъ символическихъ изреченій, туманныхъ лирическихъ образовъ, — въ общемъ, кончаетъ безконечно-грустнымъ стономъ умирающаго.

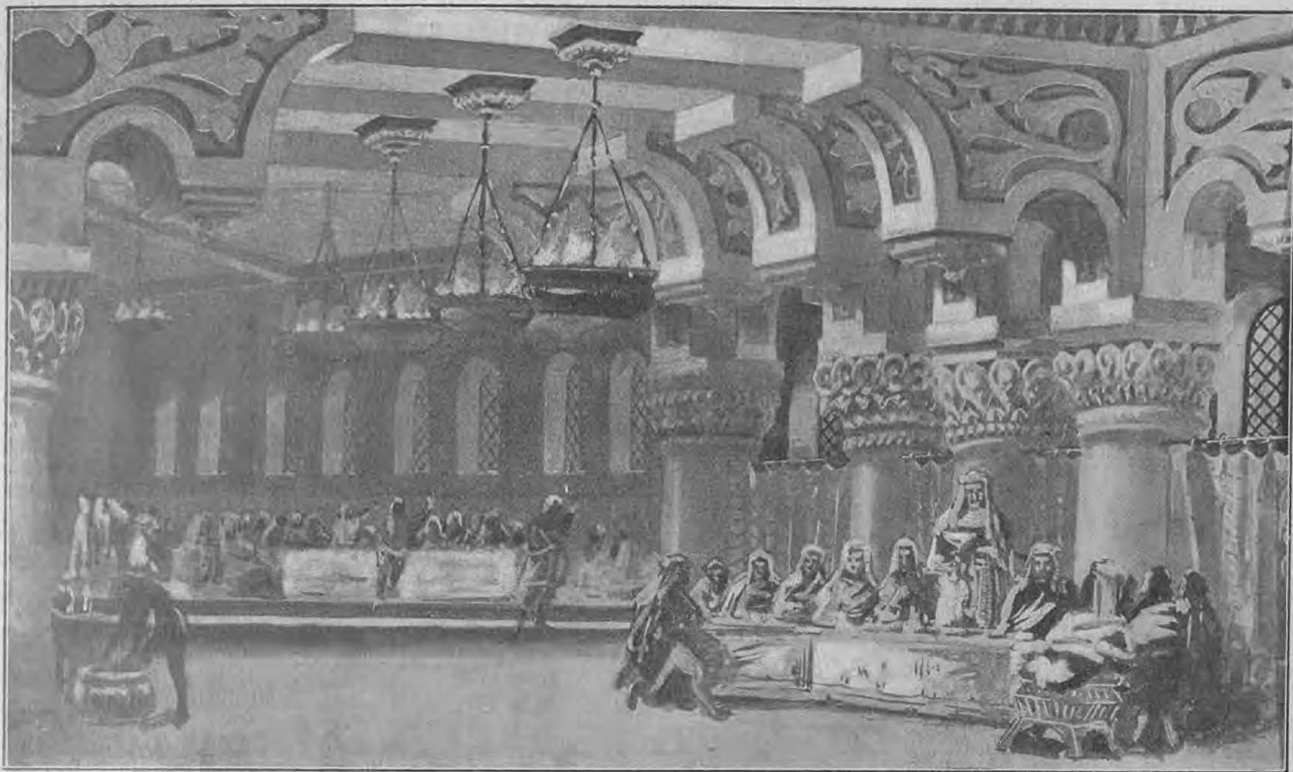
Но кто оставляетъ въ насъ болѣе сильное определенное впечатлѣніе?

Этотъ вопросъ, повидимому, взялись рѣшить уравновѣшенные поэты одиночества. За Ибсеномъ пришелъ Гауптманъ и прямо и открыто поставилъ тему. Оба драматурга, въ интересахъ практической ясности, распространили задачу, — догадались, что на свѣтѣ можетъ и долженъ быть сверхъ-человѣкъ обоого пола, — *сверхъ-женщина* имѣетъ также свои права на сверхчеловѣческую роль, пожалуй, даже больше мужчины.

И вотъ предъ нами Нора, Анна Мааръ, длинный

*) См. №№ 1, 2 и 4.

«МАКБЕТЪ» НА СЦЕНѢ ТЕАТРА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА.

Пиръ Макбета.

Рис. И. А. Суворова.

рядъ героинь меньшаго и болѣе искусственнаго калибра—въ родѣ фантастической и риторической героини въ драмѣ Бьёрнсона „Перчатка“ и болѣзненно-чувственной Юліи Стриндберга...

Всѣ они также идутъ войной на толпу, на болшинство, на общественное мнѣніе. Они сбрасываютъ съ себя званія, какими ихъ облекло общество, и желаютъ быть самими собой. — „Ты прежде всего супруга и мать“, — говоритъ мужъ Нора. „Я этому больше не вѣрю“, — отвѣчаетъ она. Я думаю, что я прежде всего *человѣкъ*“. Это тоже на тему одиночества: Нора, стремясь стать *человѣкомъ*, уходитъ отъ мужа и даже отъ дѣтей, — и, несомнѣнно, навлекаетъ на себя безпощадный судъ „толпы“ и вообще всего „старого“ *человѣчества*.

Анна у Гауптмана стремится къ той же цѣли, признаетъ любовь — не супружескую и не женскую въ общепринятомъ смыслѣ, а *человѣческую*, — и часто въ родѣ дружбы, снабженной очень сильными чувствами—до поцѣлуевъ и слезъ.

Ницше не рѣшалъ женскаго вопроса. Онъ крайне безнадежно смотрѣлъ вообще на женщинъ и не ждалъ отъ нихъ никакого участія въ преобразованіи *человѣческой личности*. Современные попытки женской эмансипаціи только оскорбляли его художественное чувство. Онъ не могъ представить безъ отвращенія „женщину-приказчицу“, женщину, лишенную женственности... Опять артистъ и поэтъ! Ибсенъ и Гауптманъ—публицисты и идеологи: они ставятъ весь вопросъ о новомъ *человѣкѣ* на другую почву, — но рѣшаютъ ли его?

На первый взглядъ, будто—да.

Штокманъ заканчиваетъ свою драму необыкновенно сильными рѣчами: онъ займется воспитаніемъ молодыхъ поколѣній, наберетъ уличныхъ мальчишекъ и попытается создать изъ нихъ „свободныхъ людей“. Какъ поступать женщины, имѣющія стать *человѣками*, — мы не знаемъ: и Нора, и Анна исчезаютъ

въ пространство, и судя по тому, что наша планета *исторически* выработала извѣстный типъ мужей и отцовъ,—героинямъ придется рѣшить сверхъестественную задачу: независимо отъ мужчинъ создать новое общество, начать исторію съ начала, парализовавши предварительно тѣ органическія силы, которыя привели *человѣчество* къ современнымъ взаимнымъ отношеніямъ двухъ половъ—правственнымъ и социальнымъ.

Нора—нечто иное, какъ блестящій знакъ восклицанія вмѣстѣ съ таинственнымъ многоточіемъ, — и самъ авторъ такъ и не дописался до точки: очевидно, —нигдѣ не встрѣтилъ своей изгнанницы, такъ или иначе осуществившей свой идеалъ. И мы въ правѣ всю эту исторію и многія, подобныя имъ, считать новымъ эффектнымъ дебютомъ древняго романтизма, еще сто лѣтъ назадъ показывавшаго со сцены полубогинь предъ публикой, сплошь состоявшей изъ смертныхъ женщинъ. И гдѣ показывавшаго! Во Франціи, гдѣ даже даровитѣйшія и лично эмансипированныя женщины—весьма смутно различали *человѣческую* и гражданскую свободу женщины отъ ея права соревновать съ мужчинами въ дон-жуанскихъ наклонностяхъ его природы.

Очевидно, сверхъ-женщина пока призракъ — можетъ быть, благородный и смѣлый, — но ровно на столько же сочиненный и загадочный. Остается — сверхъ-человѣкъ.

Его также постигла грустная участь. Послѣ Штокмана Ибсенъ не возвращался больше къ этому типу. Онъ не показалъ, какъ можно воспитать свободныхъ людей и каковы эти новые люди при современныхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ. Мы даѣе не знаемъ, какъ самъ Штокманъ осуществляетъ свою силу въ одиночествѣ. А это было бы особенно любопытно: *человѣкъ силенъ* потому, что одинъ! Онъ можетъ быть свободнымъ, пожалуй даже счастливымъ,—но сильнымъ —именно въ демократической

средѣ, не признающей привилегированной обособленности и единственной основѣ современнаго героизма!... Это — очень таинственно, не меньше, чѣмъ позднѣйшая ибсеновская литература.

Яснѣ Ибсенъ высказался на своемъ семидесятилѣтнемъ юбилеѣ. Онъ сказалъ: „Одна только демократія можетъ разрѣшить социальный вопросъ. Но новое общество должно заключать аристократическій элементъ. Это не будетъ аристократія рожденія, ни туго набитаго кармана, даже не ума, а аристократія характера, воли, души“.

Это звучитъ вполне общедоступно и вовсе не такъ эффектно и приподнято, какъ рѣчи Штокмана. Тамъ вопросомъ человѣческаго достоинства ставилось отдѣленіе личности отъ большинства, единство — умственное и нравственное, — здѣсь требуется только характеръ и воля. Двѣ программы весьма различныя! И человѣку съ характеромъ можно принадлежать къ большинству и проявлять очень сильную волю на пути къ общей цѣли. Самые „социальные“ люди, въ родѣ Милля, не менѣе энергично зывали къ *характеру* и сѣтовали на *унадокъ личности*. Они ни на одну минуту не помышляли о личномъ отщепенствѣ, даже не допускали презрѣнія къ большинству и къ толпѣ. Они просто требовали отъ человѣка стойкости убѣжденій, то что французы называютъ *le courage de son opinion*. Черта отнюдь не анти-демократическая и не анти-социальная: во всемъ блестящемъ оно воплотилось въ лицѣ истинно-демократическаго государственнаго человѣка XIX-го вѣка — Гладстона.

Примѣните ее къ Норѣ и Штокману, — весь ореолъ сверхъ-человѣка и сверхъ-женщины исчезнетъ, — и Штокманъ, надо полагать, на практикѣ такъ и рѣшаетъ вопросъ. Рѣшеніе не становится легче, — наоборотъ: остаться личностью *среди* людей гораздо труднѣе, чѣмъ *внѣ* ихъ, спасти свое достоинство въ обществѣ — болѣе сложный подвигъ, но и болѣе естественная и почетная задача.

Найти равнодѣйствующую личныхъ и въ данное время общественныхъ стремленій, не пожертвовавши ни своимъ я, ни своей идеей — величайшая задача именно нашего времени, и съ каждымъ поколѣніемъ она становится все настойчивѣй. Внѣ ея — остается или тунелѣдствующее прозябаніе, или трагедія сверхъ-человѣка.

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительна и психологически содержательна — судьба Ницше. Мы видѣли, — его исходная точка не представляется оригинальнымъ открытіемъ. Тоска о личности — характерный культурный фактъ новаго времени, подсказанъ онъ самими наглядными политическими явленіями, обостренъ въ особенности идеальными цѣлями воцарившейся демократіи. Естественно, это чувство глубоко захватило мыслителя съ поэтической организаціей, съ изысканнымъ аристократическимъ складомъ натуры, съ болѣзненно-развитой страстью къ нравственной личной независимости. И оно не нашло противовѣса въ сильной волѣ, въ жизненныхъ талантахъ, въ практической энергіи. Оно невозбранно и безраздѣльно заполонило впечатлительную, идеалистическую душу и подъ конецъ разбило тонкую и хрупкую организацію. Сверхъ-человѣкъ оказался очень слабымъ человѣкомъ, — иначе онъ не создалъ бы трагедій изъ своего одиночества, — даже больше — но было бы и самого одиночества, — только на основаніи вражды пошляковъ и стадныхъ особей ко всякой сильной мысли и независимой личности. Сильный Ницше остался бы среди людей боржомъ *общечеловѣческимъ*, и рано или поздно несравненный блескъ таланта превратилъ бы непризнаваемого мыслителя во вдохновляющаго учителя.

Призракъ сверхъ-человѣка явился одновременно и симптомомъ невыносимо-мучительной слабости, и трагическаго мѣстью нарушеннаго естественнаго закона несчастному одиночнику, котораго пламенная *сверхъ-человѣческая* любовь къ человѣческому величію и достоинству внушила ему столь же страстное презрѣніе къ человѣческому ничтожеству и безсилію.

Ив. Ивановъ.

Буржуазное искусство.

„Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ“ и увы! не только Молчалины въ жизни, но и въ искусствѣ. Кажется-бы, два скромные таланта Алексѣя Степановича „умѣренность и аккуратность“ должны играть самую скромную роль именно въ сферѣ искусства, гдѣ на первомъ планѣ должны быть правда, искренность, свобода и смѣлость, но публику верѣдко эти качества только пугаютъ или не замѣчаются ею, между тѣмъ какъ умѣренность и аккуратность всегда „любезны и пріятны“, а главное, всегда понятны. Низменность вкусовъ такъ называемой „большой“ публики все еще удивительна. Положимъ, весь складъ нашей жизни, нашего воспитанія менѣе всего способствуетъ развитію эстетическаго вкуса.

Многимъ-ли свойственны если не страстная любовь къ природѣ, одушевлявшая напр. скончавшагоса недавно знаменитаго англійскаго эстетика, хотя-бы настолько чуткое пониманіе ея, чтобы дѣлать истинную прелесть искусства, заключающуюся въ свободной и точной передачѣ впечатлѣній природы? Мы все съ равныхъ дѣтскихъ лѣтъ окружены самой низменной „пошлостью и прозой“: городская, особенно столичная жизнь, со всею ея сутолокой и безобразіемъ, домашняя обстановка, „какъ у всѣхъ“ съ безвкусными верѣдко негнѣными *objets d'art*, съ внѣшней воплощенностью, мелочныя заботы и интересы, боязнь всего экстравагантнаго, отсутствіе яркихъ и сильныхъ впечатлѣній — все это направляетъ или убиваетъ въ зародышѣ эстетическое чувство. Но вѣдь и искусство входитъ въ программу нашей жизни безъ искусства, выставокъ, концертовъ, театровъ мы не можемъ обойтись. И вотъ, въ укладѣ буржуазной жизни является бичъ истиннаго искусства — буржуазный вкусъ. Весьма естественно, что въ произведеніяхъ искусства публики прежде всего ищетъ и восхищается наиболѣе яркимъ выраженіемъ своихъ понятій, вкусовъ и чувствъ. Быть приличнымъ, похлѣмъ на всѣхъ, жить, какъ все — буржуазный идеалъ. И въ искусствѣ воскищаетъ шаблонъ, то, что похоже на уже видѣнное, то, что „какъ у всѣхъ“. Все непохожее, все оригинальное или отпугиваетъ и кажется безобразнымъ, или возбуждаетъ смѣхъ. „Умѣренность и аккуратность“, пожалуй, не главные буржуазныя добродѣтели. И вотъ все „милое“ въ искусствѣ, — слово, чрезвычайно излюбленное, но и чрезвычайно опошленное, кажется особенно привлекательнымъ, а „милое“ въ устахъ буржуа — это именно и есть умѣренность: въ живописи, напр. умѣренные размѣры, умѣренныя красочки, пріятные сюжеты и головки. Смѣшно сказать, но такъ называемая „законоченность“ въ живописи, въ смыслѣ задѣланности и зашлифованности, чтобы картину можно было разсматривать, уткнувшись носомъ, — качество, являющееся въ глазахъ художниковъ самымъ послѣднимъ и легкимъ дѣломъ и верѣдко даже признакомъ бездарности, ибо задѣланность иногда прямо несомнѣнна съ силой, тонкостью и правдивостью передачи впечатлѣній, — все еще кажется многимъ не только изъ публики, а даже изъ любителей и цѣнителей, чуть-ли не самымъ важнымъ и труднымъ дѣломъ въ искусствѣ и особенно ихъ воскищаетъ. И конечно, именно потому, что эта „законоченность“, „отдѣлка“ — идеальное выраженіе буржуазной добродѣтели — аккуратности.

Само собой понятнo, что должна же быть и „шапка по Санкѣ“: что разъ является спросъ, является и предложеніе. У насъ существуютъ цѣлыя художественныя общества (Петерб. Общ. Худож., Общество акварелистовъ), которыя поддерживаютъ и пропагандируютъ традиціи и принципы Алексѣя Степановича Молчалина, за исключеніемъ, конечно, „умѣренности“... въ количествѣ производимыхъ, да вѣдь и А. С. Молчалинъ не рекомендовалъ бы такой умѣренности, разъ продукты сбываются. Въ результатѣ, публика довольна художниками, художники — публикой. Страстная любовь къ природѣ, стремленіе иногда безсознательное, выразить свою личность въ своихъ произведеніяхъ — отличительныя качества крупныхъ художниковъ, во художники-ремесленники, художники-Молчалины не-

«НОРА»

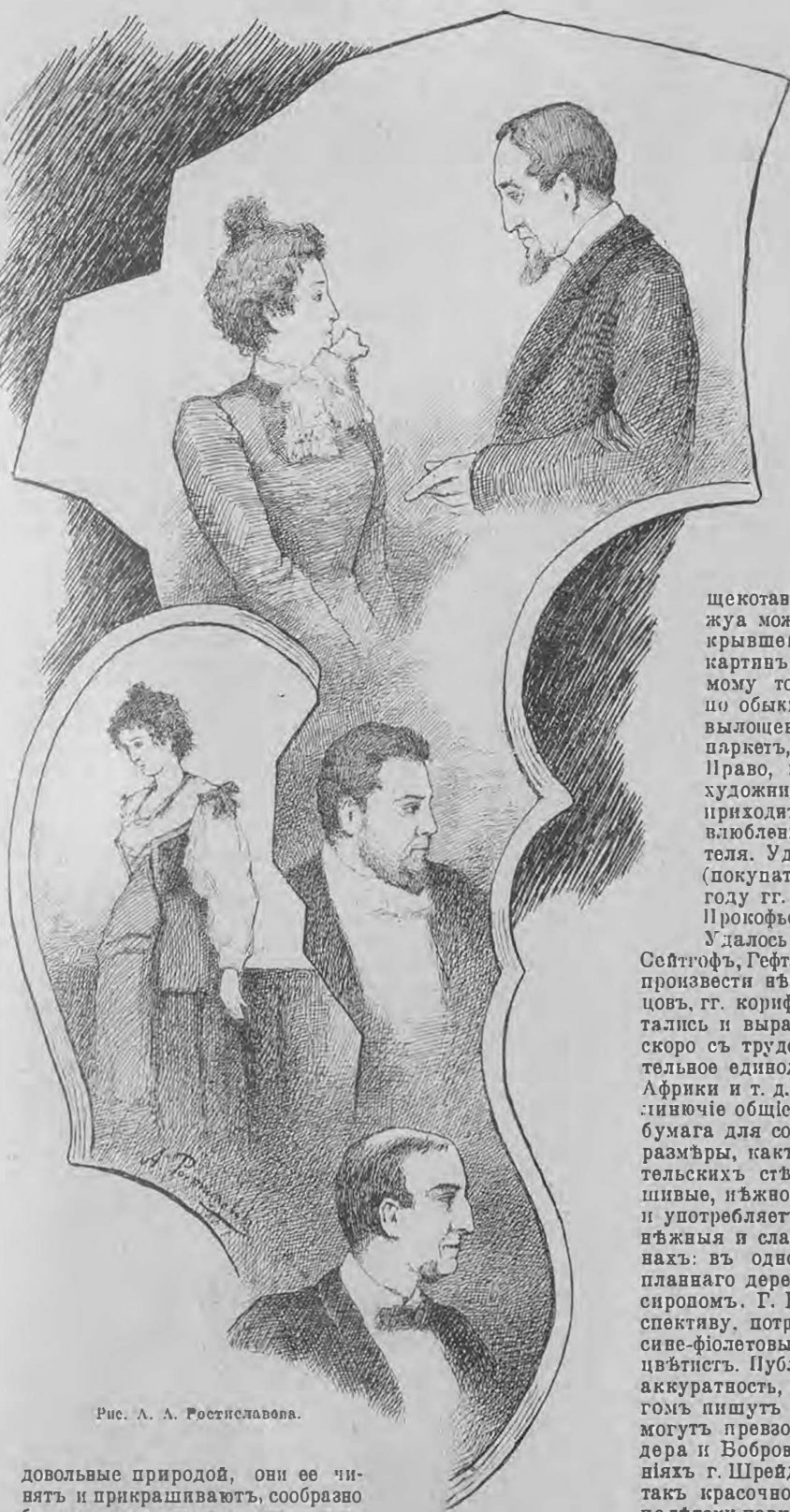

Рис. А. А. Гостиславова.

довольные природой, они ее чинят и прикрашивают, сообразно буржуазным вкусам покупателей. Они как будто больше всего боятся быть самими собой и стараются быть „как все“. Съ каждым годомъ они болѣе и болѣе походятъ на фальшивыя стертые монеты, которыя все труднѣе и труднѣе отличить другъ отъ друга. И пусть бы поддѣлка была груба, бросалась въ глаза, но въ томъ-то и бѣда, что въ ней есть мастерство, иногда большое, есть даже таланты; что именно тонкость поддѣлки подлѣ искусство особенно ядовита, ибо пошлость, шаблонъ и общія мѣста имѣютъ всегда тѣмъ болѣе успѣхъ, чѣмъ менѣе грубо они выражены, ибо подобная поддѣлка особенно лѣститъ самолюбію оцѣнивающаго буржуа, думающаго, что онъ имѣетъ дѣло съ истиннымъ искусствомъ. Но вѣдь и жирный, самодовольный буржуа любитъ, чтобы у него иногда, такъ сказать, пощекотали за ухомъ, прѣсное—„все тоже“—надоѣдаетъ и ему; буржуа тоже хочется перца, треска и блеска, разумѣется, въ извѣстной дозѣ,

въ извѣстныхъ границахъ, и вотъ къ его услугамъ такіе „блестящіе таланты“, какъ г. К. Маковский, пожинаящій теперь, повидимому, обильную жатву своей новой картиной „Свадьба“. Вотъ по обыкновению глубоко несерьезное, фальшивое произведеніе, не смотря на размѣры, эффектность и блескъ. Ибо, не говоря уже о, сомнительной, какъ всегда, историчности, о праяичности и ничтожности типовъ и фигуръ, о бовбоньерочной живописи лицъ,—что останется въ этой картинѣ, если исключить собственное г. К. Маковскому пониманіе рефлексовъ и воздушности, кромѣ превосходно выполненныхъ ковра въ перспективѣ, деревянной скамейки и нѣкоторыхъ деталей костюмовъ, подлѣ которыхъ совершенно не чувствуется формы, серьезнаго рисунка? Впрочемъ, праяичность, бовбоньерочность, „блестящая выписка“ деталей и костюмовъ именно и привлекательны для очень многихъ изъ публики, а размѣры, драпировки, электрическое освѣщеніе дополняютъ очарованіе. Г. К. Маковский столтъ и въ то же время enfant terrible Петербургскаго Общества Художниковъ (оно же въ сущности и Общество акварелистовъ).

Пощекотавъ пріятно первы передъ его картиной, буржуа можетъ „отдохнуть душой“ на только что открывшейся въ Академіи Художествъ XX выставкѣ картинъ Общества Русскихъ Акварелистовъ, повидимому тоже пмѣющей не малый успѣхъ. Вотъ тоже по обыкновению выставка, гдѣ все такъ гладко и вышито, какъ только что натертыя полотерами паркеты,—какъ разъ по вкусу приличнаго буржуа. Право, изучая изъ году въ годъ произведенія гг. художниковъ-акварелистовъ, невольно начинаешь приходить къ трогательному заключенію, что они... влюблены другъ въ друга, и конечно... въ покупателя. Удалось, положимъ, что нибудь г. Фельдману (покупатель одобрилъ). смотришь въ слѣдующемъ году гг. Егоровъ, Сейтгофъ, Гефтлиеръ, Винклеръ, Прокофьевъ ет сает. работаютъ въ томъ же духѣ.

Удалось что-нибудь г-ну Егорову,—гг. Фельдманъ, Сейтгофъ, Гефтлиеръ, Винклеръ, Прокофьевъ ет сает. спѣшатъ произвести нѣчто подобное и т. д. и т. д. Въ концѣ концовъ, гг. корифеи акварельныхъ выставокъ такъ перепутались и выработали такой общій шаблонъ, что право скоро съ трудомъ будешь различать ихъ. И какое трогательное единодушіе! Какую бы мѣстность Европы, Азии, Африки и т. д. они ни изображали, вездѣ одинаково вялые, линовіе общіе тоны, вездѣ одинаково оставленная бѣлая бумага для солнечнаго свѣта, почти вездѣ одинаковые размѣры, какъ разъ приличные для украшенія обыкновенныхъ стѣнъ. Публика (покупатель) любитъ фальшивые, нѣжно-приторные тона, и вотъ г. Писемскій только и употребляетъ нѣжно-зеленныя, нѣжно-розовыя, и прочія нѣжныя и сладкія краски въ своихъ вышеченныхъ картинахъ: въ одной его картинѣ „Лѣсъ“ земля около перепланнаго дерева прямо полита какимъ-то малиновымъ сиропомъ. Г. Васильковскій, отрицающій воздушную перспективу, потрафляетъ другимъ вкусамъ, ударяется въ сине-фіолетовые тона, и пока еще не выдвигалъ и очень цвѣтнсть. Публика (покупатель) любитъ „законченность“, аккуратность, и вотъ всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ пишутъ законченно и аккуратно, но конечно не могутъ превзойти допотопнаго г. Рѣдковского, гг. Шрейдера и Воброва и г-жу Крамскую. Во всѣхъ произведеніяхъ г. Шрейдера нѣтъ ни капли живой живописи, все это такъ красочно, жестко, грубо, лубочно, безжизненно, такъ поддѣтки нарисовано, но за то дѣйствительно можно разсматривать хотя бы уткувшихъ носомъ. Трудно себѣ представить что нибудь анти-художественнѣй работы г. Воброва и его очевидной подражательницы г-жи Крамской. Вѣдь эти головки и портреты—чуть раздвѣченные фотографіи, можетъ быть, прямо съ фотографій и работанные, вѣдь въ нихъ нѣтъ ни живописи, ни рисунка въ смыслѣ тонкой передачи формы, я уже не говорю, жизни, передачи впечатлѣнія, есть только шлифовка, но вѣдь, право, хорошій столяръ шлифуетъ еще лучше. Менѣе шлифованы, хотя по существу, не менѣе сухи, фотографичны и непріятны произведенія г. Галкина; они особенно привлекательны для многихъ изъ публики какъ болѣе тонкая поддѣлка подлѣ настоящую живопись. Лучше уже и не упоминать о другихъ портретахъ, головкахъ и жанрахъ, вродѣ, напр., удивительно плохо рисованныхъ съ претензіями на виртуозность произведеній г. Миллеръ-Нердена, вродѣ тоже слабо рисованныхъ и наивныхъ жанровъ г. Степа-

† Дж. Рескинъ.

нова. Излюбленный публикой г. Альбертъ Бенуа, поражающий всегда количествомъ своихъ произведенийъ, становится чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе жесткимъ, фальшивымъ и пестрымъ. Но куда спастись отъ знаменитаго „любимца публики“ г. Каразина, до такой степени намолившаго глаза? Въдъ право же самое подходящее мѣсто его произведеніямъ давнымъ давно въ витринахъ на Невскомъ проспектѣ на фарфоровой посудѣ г. Кузнецова. Спасибо еще, что общее впечатлѣніе скуки, фальши и ремесленности на выставкѣ нарушается въ некоторыхъ увеселяющими элементами. Я имѣю въ виду не несомнѣнно талантливыя, хотя и носящая печать чего-то болѣзненнаго, карикатуры г. Щербова, а въкоторыя „серьезныя“ произведенія, не претендующія на увеселеніе публики. Таковы, напр., кѣмъ-то причисленные и вымытые „Медвѣди“ г. Гофмана, играющіе тоже въ вымытомъ и прибранномъ лѣсу, уморительные пейзажи г. Боброва, которыми онъ, кажется, заткнулъ за поясъ самого г. Шрейдера, картина г. Шарлемана „Поплатилась“, гдѣ деревянный господинъ подводитъ деревянную дѣвицу. очевидно, только что упавшую съ несущейся вдали лошади, къ обтесанному и закругленному, какъ биллиардный шаръ, камню въ лѣсу, а деревянная собака шепчетъ на ухо другой, деревянной лошади объ этомъ печальномъ событіи, — и особенно, конечно, „Вризеи“ (Изъ Овидія Назова) и „Наши товарищи“ г. Гефтера, своего рода шедевры нелѣпости и лубочности.

И вотъ, точно по недораазумѣнію попалъ въ эту компанію покойный художникъ П. П. Соколовъ, посмертная выставка произведеній котораго занимаетъ цѣлую комнату. Трудно себѣ представить болѣе контрастъ, болѣе удачное и поучительное сопоставленіе ремесленности въ большихъ залахъ и истинной живой талантливости въ небольшой угловой комнатѣ. Большинство выставленныхъ крупныхъ произведеній П. П. Соколова давно извѣстно и я не буду на нихъ останавливаться, хотя не могу не отмѣтить въ некоторыхъ изъ нихъ, напр., чудную по жизненности, общему тону и тонкости настроенія картину „Возвращеніе съ охоты“, картины: „Табувъ“, „Мятедь“, „Грязная дорога“, „На разбой“, „У заставы“, „Съ боярыми“, и другія охотничьи сцены, такія живыя, простыя и смѣлыя по письму, превосходныя по тону, удивительно широко импрессионистки написанный пейзажъ „На зарѣ“. Какъ интересны рисунки и даже самыя маленькіе карандашные наброски П. П. Соколова, въ которыхъ столько жизни, знанія и изученія природы! Сколько талантливости, сколько смѣлаго широкаго мастерства, сколько здороваго импрессионизма во всѣхъ этихъ работахъ, а главное сколько любви къ природѣ, сколько индивидуальной живой души художника, не думающаго о вкусахъ публики и берущагося смѣло и свободно за все, что ему въ данный моментъ хотѣлось воспроизвести! Казалось бы, стоитъ только сравнить хорошенько съ этими скромными, иногда небрежными на видъ работами, громадное большинство выложенныхъ и бьющихъ на дешевый эффектъ работъ въ сосѣднихъ залахъ, чтобы увидѣть, сколько правды и жизни здѣсь, и сколько лжи и мертвенной ремесленности тамъ; какъ велика разница между истиннымъ и буржуазнымъ искусствомъ. Но должно быть, долго еще, по словамъ пророка Исаи, „глазами смогрѣть будутъ, и не увидятъ“.

А. Ростиславовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Академикомъ А. Н. Пыпинымъ найдена въ бумагахъ государственнаго архива много литературныхъ произведеній Императрицы Екатерины II, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными. Вновь найденный матеріалъ заключается, частью въ автографахъ Императрицы, пятью позднѣй законченными пьесъ и шесть въ отрывкахъ; большая часть ихъ — самостоятельныя, но есть также три „вольныхъ переложенія“ изъ Шекспира съ англійскаго и изъ Кальдерона де-ла-Барка*.

* * *

На основаніи Высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 23-го декабря 1899 года и Высочайше утвержденныхъ «Постановленій, касающихся отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ», 8-го января с. г. происходили выборы въ почетные академики. Избраны въ почетные академики отдѣленія по разряду изящной словесности: К. Р.; графъ Левъ Николаевичъ Толстой; Алексѣй Антоновичъ Потѣхинъ; Анатолій Федоровичъ Кони; Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ; графъ Арсеній Аркадѣевичъ Голеніщевъ-Кутузовъ; Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ; Антонъ Павловичъ Чеховъ; Владиміръ Галактионовичъ Короленко.

* * *

Въ собраніи пайщиковъ театральнаго предпріятія Литературно-художественнаго общества (бывш. Литературно-художественнаго Кружка) участвовали владѣльцы 255 паевъ, изъ числа 318 существующихъ. За установленіемъ раздѣла дивиденда 89 р. на каждый пай, рѣшено изъ этой суммы выдать пайщикамъ по 32 р., а 50 руб. обратитъ на увеличеніе цѣнности паевъ до 150 р. (вмѣсто 100 р.) и остатокъ приобщить къ оборотнымъ средствамъ предпріятія. Не желающіе оставаться пайщиками могутъ получить выкупную сумму въ 189 р. за пай.

* * *

По слухамъ Литературно-Художественное общество учреждаетъ премію за лучшее драматическое сочиненіе, трагедію, драму или комедію, въ 1,000 р. Кромѣ первой преміи въ 1,000 р., учреждается вторая премія въ 500 р. и третья въ 250 р. Премія въ 1,000 р. присуждается за 4—5-актную пьесу; въ случаѣ особыхъ литературныхъ достоинствъ она можетъ быть присуждена и за трехактную. Передѣлки изъ романовъ и переводы не допускаются къ соисканію премій. Имена авторовъ пьесъ должны запечатываться въ особые конверты, которые вскрываются только послѣ присужденія премій, какъ это принято для всѣхъ премій за сочиненія. Крайній срокъ для представленія пьесъ 1-е сентября 1900 года.

* * *

О. О. Кокошкинъ

(первый директоръ Московскаго Большаго театра).

Къ 75-лѣтнему юбилею Большаго театра.

По послѣднимъ извѣстіямъ П. А. Хохловъ остается на службѣ, и въ будущемъ сезонѣ будетъ иногда выступать въ операхъ „Евгеній Онѣгинъ“, „Фаустъ“, и „Демонъ“.

* * *

Артистъ Большого московскаго театра, П. Д. Орловъ оставляетъ службу въ дирекціи. Г. Орловъ вопреки контракту, безъ разрѣшенія дирекціи, выступалъ въ нынѣшнемъ сезонѣ въ Харьковѣ и Екатеринославѣ подъ фамиліей „Далматовъ“.

* * *

По слухамъ, на масляной недѣлѣ состоится на балетной сценѣ бенефисъ кордебалета. Какъ говорятъ, кордебалетъ будетъ получать бенефисъ ежегодно. Нельзя не выразить сочувствія этому нововведенію.

* * *

Георгій Парадизъ, извѣстный директоръ московскаго театра и бывшій импрессаріо нѣмецкой оперы въ 1898 г., паходится въ настоящее время въ клиникѣ военно-медицинской академіи, въ хирургическомъ отдѣленіи профессора Субботина, гдѣ, 20-го января, ему была произведена операція удаленія рака языка. Профессоръ Субботинъ убѣжденъ, что г. Парадизъ, несмотря на операцію, въ состояніи будетъ по выздоровленіи продолжать свою прежнюю артистическую дѣятельность. Устами г. Субботина да медъ бы нить...

* * *

Театральныя новости.

Артистъ „Частной“ оперы П. С. Олсининъ съ будущаго сезона вступать въ оперную труппу Большого театра на окладъ въ 3,000 руб. за 5 мѣсяцевъ.

Н. Н. Синельниковъ подалъ въ таганрогскую городскую управу заявленіе о желаніи снятъ на будущее время городской театръ, причемъ высказывается за необходимость увеличенія количества дешевыхъ мѣстъ.

* * *

Балетъ. Давно на нашей балетной сценѣ не приходилось видѣть такого неудачнаго бенефиснаго спектакля, какъ послѣдній бенефисъ нашей prima-балерины г-жи Пьерини Ленъяни, состоявшійся въ воскресенье, 23 января. Въ силу какихъ-то обстоятельствъ, дирекція, въ бенефисъ ея уступила поклонникамъ блестящаго техническаго таланта бенефициантки самымъ зауряднымъ спектаклемъ. Поставленные въ этотъ день два новыя балетика „Испытаніе Дамиса“ и „Жемчужина“ оказались вещами слабыми, а пристегнутый къ бенефисной афишѣ 2-й актъ давно уже заиграннаго балета „Золушка“, конечно, оживить спектакль и загладить общее невыгодное впечатлѣніе не могъ. Существенный недостатокъ балета „Испытаніе Дамиса“ и главная причина его неуспѣха заключаются прежде всего въ неудачной музыкѣ г. Глазунова, которая, не смотря на свои симфоническія достоинства и оркестровые эффекты, и тяжела, и скучна. Къ тому же балетъ этотъ поставленъ въ стилѣ Людовика XV (Vatto), а всѣ старинныя французскіе танцы этого стиля слишкомъ монотонны. Этотъ балетъ-навторомъ былъ бы прекрасной изысканной картинкой для вликозвѣтскаго салоннаго спектакля, но на казенной сценѣ, которая уже давно приучила зрителя къ головоломнымъ техническимъ варіаціямъ и жгучимъ лихимъ характернымъ рас, онъ успѣха имѣть не можетъ. Изъ всѣхъ танцевъ этого балета я пожалуй назову „подражаніе маріоветкамъ“ (г-жи Петина 3-я, Рыжякова 1-я, Преображенская, Обухова, гг. Ширневъ, Горскій, Кикштъ и Лукьяновъ) и граціозно исполненную г-жею Петина 1-ю съ г. Легомъ 3-мъ „La Fricassée“, а объ остальныхъ можно и умолчать: они требуютъ отъ исполнителей одной лишь манерности и изыщества въ плавныхъ движеніяхъ, и лишены жизни, огня и даже техническаго блеска.

М. Н. Ермолова.

(Къ бенефису 25-го января).

Не велики достоинства и балета „Жемчужина“. Когда, года три тому назадъ, впервые этотъ балетъ былъ поставленъ для народнаго спектакля, о немъ отзывались, какъ о балетѣ полномъ блеска, но скучномъ; я бы добавилъ, что онъ не только скученъ и безсодержателенъ, но и бессмыслененъ. Красивая декорация г. Ламбина, ослѣпительныя костюмы и мѣстами мелодичная музыка г. Дриго, — вотъ все, что можно про него сказать. Изъ исполнителей этого балета наибольшій успѣхъ имѣли сама бенефициантка, сдѣлавшая въ одной изъ колъ съ удивительною отчетливостью и легкостью 32 fouetés, и г-жа Петина 3-я, которая, какъ классическая танцовщица, совершенствуется съ каждымъ спектаклемъ.

Марининскій театръ не могъ вмѣстѣ всѣхъ поклонниковъ блестящаго таланта г-жи Ленъяни. Г-жа Ленъяни, какъ танцовщица, пользуется исключительнымъ вниманіемъ не только у насъ, но во всей Европѣ, и врядъ-ли по части техники можно пайти лучшую танцовщицу. Вотъ почему наши балетоманы, узнавъ, по слухамъ, что г-жа Ленъяни возобновила съ дирекціею контрактъ и на будущій сезонъ, принимали ее отъ всей души, всѣмъ театромъ, какъ бы желая ей выразить свои восторги. Въ смыслѣ же вишшняго успѣха, подношеній и овацій, — бенефисъ нашей prima-балерины удался какъ нельзя лучше.

* * *

Г. Рудинъ организуетъ на предстоящій лѣтній сезонъ (май и іюнь) поѣздку по юго-восточной Россіи. Въ составъ труппы, еще не окончательно сформированной, входятъ, между прочимъ, г-жа Домашева и г. Михайловъ.

* * *

По словамъ „Одесск. Листка“, въ день юбилея М. Г. Савиной, М. Л. Кропивницкимъ была послана слѣд. телеграмма:

«Петербургъ, Александринскій театръ. Савиной. Мое товариство украинскихъ артистовъ складаетъ передъ высокоталановитою артисткою Марією Гавриловною найсердечнище вѣтанье въ 25 ричнимъ юбилеемъ и найпырше бажанье ще довги роки скрашати своимъ геніемъ руску спену.

Марко Кропивницкій.

21 января полученъ отвѣтъ:

«Одесса. Марку Лукичу Кропивницкому. Видъ сердца дякую товариство украинскихъ артистовъ за найсердечнище вѣтанье.

Маруся Савина.

* * *

Малый театр. На прошлой недѣлѣ, на сценѣ Литературно-художественнаго общества состоялось первое представленіе драмы „Отцы и Дѣти“, написанной г. Никольскимъ по роману Тургенева. Нельзя сказать, чтобы намѣреніе воспользоваться этимъ романомъ для сцены могло, само по себѣ, почитаться удачнымъ. Самыя блестящія стороны „Отцовъ и Дѣтей“ ни мало не укладываются въ драматическую форму, которая для нихъ является слишкомъ узкой колеей. Лучшія страницы романа всѣ его описательныя богатства, все художественное настроеніе, витающее между строкъ и создающее красивый фонъ чередующихся въ немъ картинъ,—все это такъ въ романѣ и остается, не обрѣтаетъ себѣ примѣненія и выраженія въ пьесѣ. Оно продолжаетъ быть исключительнымъ достоинствомъ читателя, до зрителя же не можетъ дойти. Душа произведенія не находитъ себѣ пути на театральныя подмостки, куда, такъ сказать, переходитъ только его тѣло. Я считаю, что Тургеневъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ „передѣлывать“ для сцены, хотя бы лишь потому, что онъ самъ умѣлъ писать пьесы. Когда посѣтившій его замыселъ представлялся ему болѣе отвѣчающимъ требованіямъ драматургіи, нежели беллетристич., онъ обладалъ его въ сценическую форму. И пусть не говорятъ намъ, со словъ самого Тургенева, что онъ не обладалъ талантомъ драматурга. Достаточно вспомнить, что онъ далъ „Холостяка“, т. е. такую прекрасную и художественно-прочувствованную пьесу, которой не затмитъ ни одно изъ сочиненій признанныхъ современныхъ поставщиковъ театральнаго матеріала. Тургеневъ написалъ романъ „Отцы и Дѣти“, но драмы „Отцы и Дѣти“ не далъ, не потому, что не могъ это сдѣлать, а оттого, что не захотѣлъ. Слѣдовательно, г. Никольскій пошелъ наперекоръ его желанью, безъ достаточныхъ оснований, изъ которыхъ (въ силу поговорки „побѣдителей не судятъ“) наиболѣе убѣдительнымъ былъ бы „иммунитетъ“, создаваемый удачнымъ завершеніемъ задуманнаго. Отъ него, конечно, никто не могъ требовать, чтобы онъ далъ больше, нежели далъ Тургеневъ, но можно было надѣяться, что онъ не опустится ниже уровня наиболѣе минимальныхъ требованій, сводящихся къ тому, чтобы стройности Тургеневскаго замысла была сохранена. Надежда эта не нашла себѣ фактическаго оправданія. Разумѣется, сдѣлать изъ романа пьесу не такъ просто. Неизбѣжно нѣкоторое насиліе надъ сюжетомъ. Но насиліе это должно искупаться проникновеннымъ отношеніемъ къ сущности замысла и отдѣльными сценами романа должны быть переселены въ рамки сценарія безъ поврежденія. Терминъ „передѣлка“ не долженъ пониматься слишкомъ широко... Онъ относится къ внѣшней формѣ, а не къ существу сюжета, не содержитъ въ себѣ указанія на право измѣнять положенія и пренебрегать первоначальной характеристикой дѣйствующихъ лицъ. Этого, повидимому, не имѣлъ достаточно въ виду г. Никольскій. Не усмотрѣвъ, напримѣръ, возможности обрисовать Евдокію Кукину, Калезина и Ситникова въ должномъ соответствіи съ обстановкой, сопровождающей появленіе этихъ лицъ въ романѣ, онъ не предположилъ отказатся отъ приобщенія ихъ къ составу афиши, а произвелъ надъ ними ничѣмъ не объяснимое насиліе, заставляя ихъ прѣлгать въ усадьбу Кирсановыхъ, съ грубымъ нарушеніемъ указаній Тургенева и безъ всякой пользы для пьесы. Благодаря этому, первый актъ превращается въ рядъ комическихъ выходовъ, очевидно направленныхъ къ тому, чтобы сразу перебрать побольше второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ и затѣмъ уже болѣе къ нимъ не возвращаться. Прежде всего, c'est du très-mauvais théâtre. При послѣдующихъ спектакляхъ, слѣдовало бы вовсе выкинуть хотя бы прѣзидъ Калезина, совершенно бессмысленный и чрезмѣрно каррикатурно поставленный. Я говорю о послѣдующихъ спектакляхъ потому, что, не смотря на существенныя недостатки передѣлки, пьеса, вѣроятно, будетъ привлекать публику: всѣ сцены съ участіемъ стариковъ Базаровыхъ чрезвычайно удачны и исполняются г. Михайловымъ и г-жею Корсакомъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что ради нихъ слѣдуетъ продержать пьесу на репертуарѣ. Николай Кирсановъ, Аркадій и Катя—намѣнены такъ слабо, что исполнителямъ трудно выдвинуть эти

роли. Павелъ Кирсановъ схваченъ, по необходимости, лишь во внѣшнихъ своихъ чертахъ, потому что сценарій не даетъ простора, нужнаго для обрисовки его личности, для мотивировки его нравственнаго облика. Двѣ сцены Единцовой съ Базаровымъ сохранены почти цѣликомъ. Наиболѣе подробно выведенъ Базаровъ, но при этомъ недостаточно толково, слишкомъ отрывочно. Его столкновенія съ Павломъ Петровичемъ носятъ поэтому исключительно характеръ размовокъ, вызываемыхъ недостаткомъ воспитанія. Принципиальная, стихійная враждебность этихъ двухъ лицъ отпадаетъ, и не по вѣнѣ талантливыхъ исполнителей (гг. Бравинъ и Тинскій), а вслѣдствіе того, что авторъ передѣлки, повидимому, отнесся къ своей задачѣ нѣсколько поверхностно. Что и говоритъ, Базаровъ для насъ до крайности устарѣлъ, потому что со времени его появленія жизнь успѣла намъ доказать тщету отрицаній, основанныхъ не на сомнѣніи, а на предвзятомъ рѣшеніи говорить „нѣтъ“, тамъ, гдѣ другіе говорятъ „да“. Мы и слушать бы его не стали, начини онъ теперь утверждать, что химикъ нужнѣе поэта. Конечно, въ сужденныхъ рамкахъ нынѣшняго быта, въ которыхъ все разсчитано и технически-безцвѣтно, почти вовсе нѣтъ мѣста условіямъ, вызывающимъ широкіе порывы, нѣтъ великихъ опасностей, нѣтъ истой борьбы за жизнь. Вмѣсто нея возникаетъ то, что принято называть борьбой за существованіе и что въ лучшемъ случаѣ является просто-на-просто конкуренціей. Душа въ людяхъ не то атрофируется, не то перерождается, не получаетъ стройнаго развитія, уклоняется отъ прямыхъ путей и становится благодарной почвой для взращиванія всякихъ ненормальностей. Прежде, когда жизнь отъ избытка своего создавала Павловъ Кирсановыхъ, сидѣвшихъ „сложна руки“,—жилося лучше, потому что жилось поэтичнѣе. Но, тѣмъ не менѣе, поэзія—вѣчная и нормальная потребность нашего внутренняго міра, ибо она—гармонія, стройность и красота, а все стройное и красивое создаетъ душу. Тѣмъ низкихъ истинъ намъ *нужны* насъ возвышающій обманъ. И можно-ли называть поэзію обманомъ? Не въ томъ-ли и заключается ея сила, что она—лучезарная правда по самой сущности своей? Не примириться-же намъ съ тѣмъ, что красота—ложь, что поэты—лгуны и что истинною владѣютъ только химикъ! Вѣрнѣе предположить, что существуютъ двѣ правды: одна—математическая, химическая, техническая, доступная пониманію всѣхъ, а другая—отвлеченная, мало-удовимая, наводящая себѣ выразителей лишь въ немногихъ. Первая служитъ какъ-бы разнѣмой монетой повседневныхъ отношеній, но только во второй—заключается настоящее богатство человѣчества. Но, если Базаровъ и устарѣлъ, это не лишило его значенія почти исторической фигуры. Мы не вѣрнемъ ему, но это не лишаетъ насъ права желать, чтобы онъ намъ былъ показанъ съ надлежащей полнотой. Такому требованію работа г. Никольскаго не удовлетворяетъ.

Пьеса поставлена очень хорошо, согласно успѣвшимъ ясно обрисоваться добрымъ традиціямъ Литературно-художественнаго общества. Всѣ исполнители относятся къ дѣлу съ большимъ вниманіемъ.

Прозаикъ.

* * *

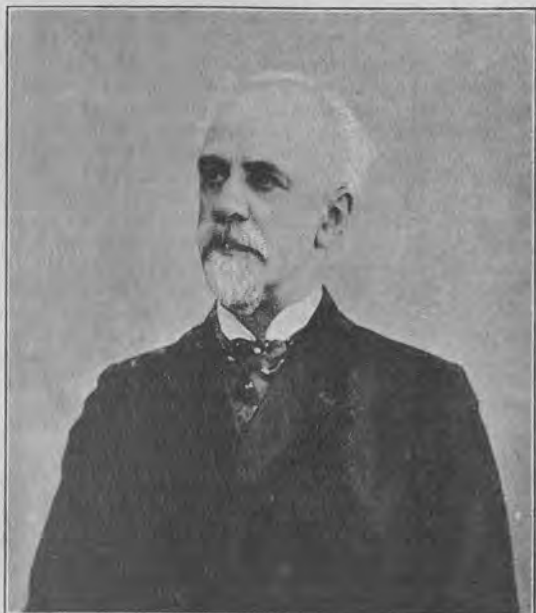
Намъ пишутъ изъ Москвы. На-дняхъ состоялся бенефисъ г. Секаръ-Рожанскаго. Шла опера „Садко“. Бенефициантъ имѣлъ шумный успѣхъ и получилъ серебряный и лавровый вѣнки, цвѣточную лиру, а также золотой, осыпанный бриллиантами, жетонъ и два цѣнныхъ подарка (портсигаръ и часы). Во время антракта передъ 3 дѣйств. артисты были осыпаны изъ боковыхъ ложъ цвѣтами. Роль „Садко“ «создана» г. Секаръ-Рожанскимъ, и онъ имѣетъ въ ней безспорный „пріоритетъ“.

* * *

Намъ пишутъ изъ Вильны. По слухамъ театръ будетъ переданъ въ вѣдѣніе особой дирекціи, которая намѣрена будто бы сформировать для зимняго сезона три труппы: драматическую, оперную и балетную (!). Насколько это вѣрно—покажетъ будущее. Польская часть населенія, во всякомъ случаѣ, будетъ очень довольна, если треть спектаклей отойдетъ подъ интернаціональный языкъ балета.

* * *

На-дняхъ исполнилось 30-лѣтіе критическій и композиторской дѣятельности Николая Еоопемитовича Соловьева. Н. О. родился въ Петрозаводскѣ, 27-го апрѣля 1846 года. Кончивъ 2-ю гимназію въ Петербургѣ, онъ поступилъ въ медико-хирургическую академію, откуда перешелъ въ консерваторію. Курсъ послѣдней окончилъ по классу композиціи Зарембы въ 1870 г. со степенью свободнаго художника и большою серебряною медалью. Передъ публикою онъ впервые выступилъ съ увертюрой для большого оркестра на актѣ въ консерваторіи въ 1869 г., а въ 1870 г. (тоже на актѣ) съ драматической кантатой „Смерть Самсона“. Въ 1874 году онъ пригла-

Проф. Н. О. Соловьевъ.
(Къ 30-лѣтію музыкальной дѣятельности).

шенъ профессоромъ въ консерваторію. Здѣсь онъ читалъ сперва теорію для обязательныхъ классовъ и исторію музыки, а съ 1885 г., получивъ званіе профессора, ведетъ спеціальныя классы теоріи композиціи. Ученики его — фонъ-Бахъ, Статковский, Длускій, Некрасовъ, Штейнбергъ, и мн. др. На Колумбійской выставкѣ въ Чикаго получилъ почетный дипломъ и медаль за оперу «Корделія».

Н. О. написаны увертюра es-dur (1869 г.), кантата «Смерть Самсона» (1870 г.), картина «Русь и Монголы» (1870 г.), петровская кантата въ честь 200-лѣтняго юбилея Петра I, романсы, изъ которыхъ многіе появлялись въ «Муз. Мирѣ», «Звѣздѣ» и пр., «Слово о полку Игоревѣ» на текстъ Мея для голоса съ фортепiano (1873 г.), опера «Кузнецъ Вакула» (1875 г.), хоръ «Молитва о Руси», получившій премію на конкурсѣ Русскаго Музыкальнаго Общества (1877 г.), опера «Корделія».

Въ настоящее время композиторъ работаетъ надъ двухъ-актной комической оперой «Домикъ въ Коломнѣ». Н. О. сотрудничаетъ въ качествѣ музыкальнаго критика въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Россіи» и состоитъ редакторомъ музыкальнаго отдѣла въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона.

* * *

Прошеніе Н. О. Сазонова объ отставкѣ отъ должности директора театровъ попечительства не принято. Г. Сазоновъ не въ первый разъ подаетъ въ отставку, но послѣ долгихъ упрямиваній соглашается вновь принять бразды правленія. На этихъ дняхъ г. Сазоновъ, послѣ долгаго перерыва, посѣтилъ театры попечительства и объявилъ объ измѣненіи репертуара, который былъ намѣченъ до конца сезона. Г. Сазоновъ, какъ извѣстно, послѣдній мѣсяцъ не принималъ никакого участія въ административномъ управленіи театрами попечительства и теперь онъ вступаетъ въ должность до нѣкоторой степени новымъ человѣкомъ. Во время представленія актеровъ новому или втрѣе возобновленному директору, г. Сазоновъ произнесъ рѣчь, заключавшую въ мягкой и любезной формѣ «острастку» строптивымъ и недовольнымъ. Нельзя сказать, чтобы недовольство было лишено всякихъ основаній. Напримѣръ, одна артистка репетировала Софью въ «Горѣ отъ ума» дѣтомъ, но наканунѣ спектакля роль отдали—другой. Она репетировала ту же роль осенью, но играла опять таки не она. Такимъ образомъ,—быть можетъ, безъ вѣдома г. Сазонова, въ театрахъ попечительства устанавливается странная система «раздѣленія труда»: одни играютъ, другіе репетируютъ.

* * *

Дирекція Императорскихъ театровъ пригласила Сальвини-отца на два спектакля. Сальвини, какъ говорятъ газеты, выступитъ съ русской труппой въ роли Отелло, на сценѣ Александринскаго театра. Первый спектакль состоится, по слухамъ, 6-го февраля, а второй—8-го.

* * *

Провинціальныя новости.

Севастополь. Съ Пасхи по 1-е юнія будетъ играть драматическая труппа А. Г. Аярова.

Екатеринославъ. Лѣтній театръ Англійскаго сада снятъ тремя антрепренерами: гг. Аяровымъ, Новиковымъ, Садовскимъ-Саксаганскимъ, такъ что въ теченіи лѣтняго сезона будутъ три труппы: драма, оперетка и малороссы.

Саратовъ. Въ составъ труппы театра Корша вступилъ артистъ на амплуа резонеровъ-фатовъ А. Н. Соколовскій изъ Саратовскаго товарищества г. Бородея. Служба г. Соколовскаго въ труппѣ г. Корша начнется съ весенняго сезона въ Одессѣ.

Въ составъ товарищества г. Бородея приглашены на слѣдующій сезонъ М. М. Петица и Лермина (изъ виленской труппы К. Н. Незлобина).

Новочеркасскъ. На амплуа героевъ въ Новочеркасскъ приглашенъ на слѣдующій сезонъ А. И. Капиринъ.

Екатеринбургъ. Въ теченіи Великаго поста будетъ играть пермская опера.

Николаевъ. Театръ Шеффера на слѣдующій зимній сезонъ заарендованъ С. Н. Новиковымъ для опереточной труппы.

* * *

15-го января, виленская труппа городского театра праздновала 35-й юбилей артистической дѣятельности заслуженнаго артиста М. К. Стрѣльскаго. М. К. Стрѣльскій родился въ 1844 г., окончилъ курсъ 1-й петерб. гимназіи и высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. Окончивъ университетъ, М. К., занимавшійся подъ руководствомъ знаменитаго артиста Самарина, удачно дебютировалъ и былъ принятъ въ Импер. Малый театръ, гдѣ и прослужилъ 5 лѣтъ. Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ онъ игралъ въ провинціи, 4 года служилъ въ Александринскомъ театрѣ. Покинувъ окончательно Императорскую сцену, М. К.

М. К. Стрѣльскій.

служилъ на разныхъ провинціальныхъ сценахъ: въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ, Казани, Самарѣ. Съ 1893 г. М. К. непрерывно игралъ въ Виленскомъ городск. театрѣ до 22 декабря 1898 г., когда заболѣлъ сильнымъ нервнымъ потрясеніемъ. Въ настоящее время М. К. Стрѣльскій не выступаетъ больше на сценѣ, что не помѣшало почитателямъ и друзьямъ его устроить въ честь почтеннаго артиста особый спектакль и чествовать его самымъ сердечнымъ образомъ.

* * *

26-го января въ драматическомъ кружкѣ былъ поставленъ «Лѣсъ».

Я не могу безъ волненія смотрѣть эту комедію. Шемящую грусть одиночества оставляетъ въ душѣ образъ безпріютнаго скитальца. Несчастливцевъ—русскій донъ-Кихотъ. Отъ его рѣчей, составленныхъ изъ разныхъ недоученныхъ ролей, отъ его широкаго дорожнаго плаща и «укладистаго» ранца вѣетъ пылью извилистыхъ «проселочныхъ дорогъ», вѣетъ широкой, почти безграничной равниной, съ темнымъ «лѣсомъ» на горизонтѣ и сѣрымъ низкимъ небомъ... Рыцарь по натурѣ, идеалистъ, наивно и по своему любящій искусство. Этотъ большой ребенокъ съ неиспорченной душой одиноко бродитъ посреди необозримыхъ полей матушки-Руси, тратя на вѣтеръ свои «благородныя слезы артиста». За нимъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ его Санчо-Панчо—«комикъ Аркашка». И много пришлось исходить «пѣшимъ путешественникамъ»... Рельсы были проложены по проселочнымъ дорогамъ, порѣдѣли густые лѣса, и гимназистъ Булановъ къ тому времени успѣлъ доучиться въ университетѣ... И въ первыхъ лучахъ замиравшейся зари русскаго искусства, исчезли и Донъ-Кихотъ, изъ русскихъ трагиковъ, и его оруженосецъ Аркашка.

Г. Малыйскій въ роли Несчастливцева взялъ болѣе естественный умѣренный, человѣческій тонъ, чѣмъ тотъ, какимъ обыкновенно играютъ Несчастливцева. Нѣсколько холоденъ былъ его партнеръ г. Вѣтковъ, что, конечно, спасло его отъ возможности впасть въ шаржъ. Недостаточно ясенъ вышелъ образъ Восмибратова (г. Сѣровъ). Приятное впечатлѣніе оставили гг. Петропавлевскій (Петръ) и Лузинъ (Булановъ), г. Рахманиновъ (Карпъ), г-жа Вѣрова (Улита). Что касается г-жи Радичъ (Аксини), то въ ея игрѣ замѣчается, къ сожалѣнію, подражаніе тѣмъ фальшивымъ образцамъ, которые подъ флагомъ «новаго искусства», вносятъ на подмостки кривляніе, отсутствіе искренности, простоты и художественнаго вкуса.

* * *

Фарсъ. Въ четвергъ, 27 января, въ бенефисъ А. М. Горина-Горяинова были поставлены въ театрѣ «Фарсъ» два новыхъ фарса: «Бѣлый конь» и «Вѣчная юность» или «Эликсиръ молодости». Первый фарсъ—«Бѣлый конь», принадлежитъ къ тѣмъ милымъ и остроумнымъ произведеніямъ, которыя все рѣже и рѣже появляются теперь на сценѣ, будучи вытѣснены грубыми, неуклюжими буффонами, въ которыхъ чрезачуръ много «русскаго духа» и который, однако, современной публикѣ нравится гораздо больше такихъ эскизныхъ, если можно такъ выразиться, такихъ изяжныхъ—по построению и по фабулѣ—произведеній, какъ «Бѣлый конь», «Золотая Ева», «Флиртъ» и нѣкоторыя другія. Въ этихъ произведеніяхъ преобладаетъ мягкое, нежное «остроуміе». Вѣрнѣе будетъ, если я скажу, что въ нихъ преобладаетъ юморъ. «Бѣлый конь» принадлежитъ именно къ разряду только остроумныхъ пьесъ, тогда какъ «Вѣчная юность» представляетъ образецъ излюбленной разухабистой буффонады. Зрителямъ, такимъ образомъ, представлялась на этотъ разъ возможность провести параллель между этими двумя видами веселой комедіи.

«Бѣлый конь», собственно говоря, не вполне новинка для петербургской публики. Эта пьеска уже шла великимъ почетомъ у Бока и пользовалась громаднымъ успѣхомъ. И шумный успѣхъ выпалъ на долю «Бѣлаго коня» и въ театрѣ «Фарсъ». Артисты, повидимому, приложили всѣ старанія къ тому, чтобы на время отрѣшиться отъ тѣхъ «вывертовъ» и «кренделей», которые пускаются въ ходъ при исполненіи большинства современныхъ фарсовъ. Помимо г. Горина-Горяинова, сыгравшаго хозяина горьловочной фабрики съ обычными достоинствами, т. е. весело и немножко однообразно, — слѣдуетъ отмѣтить г-жу Грановскую, имѣвшую большой успѣхъ въ роли дочери профессора. Особая мягкость исполненія, грація, прекрасная комическая игра таковы отличительныя черты исполненія молодой артистки. Хорошъ и г. Сабуровъ въ роли лысаго коммерсанта.

Въ «Эликсирѣ молодости» наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г-жи Воронцовой-Ленни и г. Горина-Горяинова. Въ обоихъ фарсахъ весьма плохъ былъ г. Басмаиновъ.

* * *

Вл. Л.—ій.

Намъ доставлена изъ Вильны слѣдующая копія «циркуляра» артистамъ театра попечительства о народной трезвости въ г.р. Вильнѣ:

Театральная коммисія, принявъ завѣдываніе дѣлами театра Виленскаго попечительства о народной трезвости, должна была, къ сожалѣнію, отмѣтить факты какъ неравномѣрнаго распредѣленія труда, такъ и несогласія между собою гг. артистовъ. Такое, укоренившееся на сценѣ отсутствіе солидарности, отзывавшееся вредно на интересахъ попечительства и общества, дають право коммисіи заключить о неправильномъ пониманіи гг. артистами какъ прямыхъ своихъ обязанностей, такъ и тѣмъ болѣе и назначенія театра, какъ проводника въ общество извѣстныхъ идей и направленій, сводя свою дѣятельность къ узкому эгоизму и формальности. Театральная коммисія въ новомъ своемъ составѣ, принявъ съ матеріальной стороны весьма невыгодныя для попечительства условія, тѣмъ не менѣе на первое время проявила весьма умѣренный характеръ своей дѣятельности, желая путемъ простаго пожеланія, измѣнить укоренившееся безпорядки и тѣмъ содѣйствовать къ достиженію согласія гг. служащихъ и правильного направленія дѣла. Между тѣмъ, коммисія убѣждается, что мягкость ея понятія, быть можетъ, какъ обращенная къ гг. служащимъ просьба одолженія. Это наглядно выразилось въ предложеніи, напримѣръ, г. Рѣшимова принять новыя условія относительно его бенефиса, а въ противномъ случаѣ отказомъ отъ нѣкоторыхъ, играныхъ имъ уже, ролей. Далѣе г. Эльскій не желаетъ играть ролей, для которыхъ онъ былъ приглашенъ, ограничивая ихъ лишь какими-то героями; г-жа Орликъ не находитъ также для своихъ ролей достаточной, по ея мнѣнію, сценичности или же ансамбля между ея сослуживцами. Г. Арди оставляетъ сцену ранѣе окончанія спектакля, что ведетъ къ такимъ нежелательнымъ и вызывающимъ вполне справедливое осужденіе публики, какъ преждевременное опусканіе занавѣси, бывшее въ вѣдѣніи 18 го сего января. Коммисія, обсудивъ изложенное, считаетъ долгомъ объявить гг. артистамъ, что она на будущее время не можетъ оставаться безучастною и должна будетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, примѣняемымъ въ такихъ случаяхъ администраціею театровъ, доводя, кромѣ того, до свѣдѣній Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества.

Лишь же не желающихъ подчиниться, коммисія будетъ считать оставившими службу.

Нѣкоторымъ коммевариамъ къ этому циркуляру можетъ послужить, какъ намъ лижутъ, то, что кромѣ трехъ актеровъ, приглашенныхъ черезъ Бюро Театр. Общества, остальные служатъ безъ контрактовъ, и что коммисія сбавила поереді сезона нѣкоторымъ артистамъ жалованье; нѣкоторымъ же было и совсѣмъ отказано. Дѣло, разумѣется, новое для коммисіи, и обычныя условія театральной жизни не совсѣмъ знакомы, повидимому, гг. распорядителямъ.

* * *

23-го января въ театрѣ Ново-адмиралт. столовой состоялся бенефисъ режиссера труппы, г. Вехтера. Бенефицианту поднесенъ былъ адресъ. Г. Вехтеръ выбралъ для бенефиса «Бѣдность не порокъ», и игралъ роль Любима Торцева. Недурны были въ своихъ скромныхъ роляхъ О. Н. Вехтеръ (Любовь Гордѣвна), и Вишневская-1-я (Пелагея Егоровна). Г-жѣ Раевичъ не доставало нѣсколько ухарства Анны Ивановны, какъ г. Байворскому рѣшительно не хватало злодѣйства Африкана Коршунова. Г-нъ Лѣановъ былъ хорошъ въ роли Мити.—душевный, неловкій, застѣнчивый и любящій. И Разлюбяевъ (г. Чубинскій) былъ также недуренъ. Словомъ—пьеса вполне удовлетворила публику.

Старый фарсъ «Не спросясь броду» и т. д. — прошелъ бойко благодаря подвижности г-жи Иргеневой (Падя) и живости г. Смирнова.

* * *

Михайловскій манежъ. Въ воскресенье, 23 января, попечительство о народной трезвости послѣ долгаго перерыва устроило первое гулянье въ Михайловскомъ манежѣ. Въ далѣйшемъ гулянья предполагается устраивать три раза въ недѣлю. Противъ прошлаго года послѣдовали нѣкоторыя измѣненія, которыя едва-ли можно считать желательными. Прежде всего плата за входъ удвоена: вмѣсто 10 коп. взимается 20 коп. Для «сѣрой» публики на первомъ планѣ плата за входъ. Я увѣренъ, что значительная часть тѣхъ зрителей, которые посѣщали театры попечительства, отхлынетъ въ тѣ мѣста, гдѣ съ нихъ будутъ за входъ брать 10—15 коп., что-бы тамъ ни преподносили имъ подъ видомъ театральнаго зрѣлища.

Говорятъ, что такое повышеніе входной платы вызвано чрезвычайными расходами по устройству новыхъ театровъ и проч. Эти расходы, будто бы, превысили смѣты на предстоящій годъ. Допустимъ. Но отчего же тогда не уничтожить непроизводительныя траты, напр., на роскошную обстановку глупѣйшихъ феерій? Къ чему, наконецъ, на народной и общедоступной сценѣ тотъ громадный — по численности — кордебалетъ, который содержится попечительствомъ?.. А затѣмъ—курьезная прошло-

ВЫСТАВКА АКВАРЕЛИСТОВЪ.

«Дѣтскія головки» А. Бемъ.

годнія живыя картины, стоящія, какъ говорятъ, такихъ большихъ денегъ,—развѣ онѣ кому-нибудь нужны?..

Вотъ если бы произвести чистку по этимъ статьямъ, то, вѣроятно, сэкономили бы гораздо больше, чѣмъ на входной платѣ, да на урѣзываньи жалованья актерамъ.

Кстати, объ актерамъ попечительства.

Среди нихъ распространились слухи, что опять послѣдуетъ сокращеніе штата, слѣдовательно, вновь нежданно-негаданно десятки актеровъ будутъ выброшены на улицу. Впрочемъ, метода эта уже знакома.

Циркулируетъ между актерами и еще одинъ слухъ. Они говорятъ, что будто среди литературнаго наслѣдія Д. В. Григоровича нашлась пьеса подъ заглавіемъ: «У семи нянекъ — дитя безъ глазу» или «Какъ можно погубить всякое хорошее дѣло». Будто бы покойный писатель завѣщалъ эту пьесу Н. О. Сазонову и А. Я. Алексѣеву для постановки въ театрахъ попечительства, но съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы ее не передѣлывали (особенно «домашними средствами») въ феерію. Смѣю думать, что актеры здѣсь что-то напутали, ибо о такомъ наслѣдіи послѣ Д. В. Григоровича я ничего не слышалъ.

Первое гулянье въ Михайловскомъ манежѣ началось съ часу дня. Сначала шелъ водевилъ режиссера А. Я. Алексѣева «Цыганка Любаши или медвѣдь выручилъ», затѣмъ пантомима, какъ говорятъ, также въ «домашней передѣлкѣ», — «Влюбленный въ луну» и, наконецъ (съ 7½ час. вечера), комедія въ 5 д. и 7 картин., соч. В. Буренина «Комедія о княгинѣ Забавѣ Путятилинѣ и Боярынѣ Василисѣ Микулишнѣ». Къ сожалѣнію, я попалъ только на послѣднюю пьесу. «Забаву Путятишну» я, признаться, вижу впервые, а вообще, въ своей жизни, мнѣ удалось видѣть только три пьесы г. Буренина, — и вотъ какое дѣло: г. Буренинъ по своимъ литературнымъ пріемамъ и вкусамъ... какъ бы это выразиться поделкатнѣе — реалистъ до мозга костей и, пожалуй, позитивистъ по уму, — и влуритъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ онъ или пускается въ область античной жизни, или же хватается за русскій былевой эпосъ. Въ этой склонности г. Буренина ко всему средневѣковому есть что-то странное и — для меня, по крайней мѣрѣ — совершенно непонятное. По моему, нужно быть большимъ романтикомъ, чтобы браться за тѣ сюжеты, къ которымъ питаетъ такое пристрастіе г. Буренинъ. Наконецъ, передѣлка русскихъ эпическихъ произведеній въ драматическія — вещь вообще рискованная. Думается, что эпосъ скорѣе укладывается въ рамки поэмы, чѣмъ въ драму. Комедія г. Буренина, собственно, и не можетъ быть названа драматическимъ произведеніемъ, ибо въ ней прежде всего нѣтъ единства стиля. Мѣстами «Забаву Путятишну» смахиваетъ какъ будто на феерію, а мѣстами — на фарсъ. Подобная пьеса, кромѣ того, требуетъ и исполненія художественнаго, хотя и условнаго, какъ условно само произведеніе. Разумѣется, подобного исполненія нельзя ожидать въ манежѣ, гдѣ актерамъ прежде

всего приходится заботиться о томъ, чтобы ихъ было слышно. Получалось какое-то ораніе, а ужъ объ игрѣ не могло быть и рѣчи. Лучше другихъ во всякомъ случаѣ были: г-жа Романовская (княжая мамка) и гг. Печоринъ (Илья Ивановичъ) и Шуминъ (Бермята Васильевичъ). Слабѣе — г-жи Райлина (Забаву) и Ивина (Василису).
В. Липскій.

Письмо въ редакцію.

М. Г.! Въ недалекомъ будущемъ члены носящаго пока частный характеръ кружка, слѣдоваго извѣстнымъ подъ названіемъ «Досуги сезона» — они же и учредители основаннаго при Русскомъ Театральномъ Обществѣ капитала того же названія — имѣютъ представить въ Совѣтъ Р. Т. О — ства, а затѣмъ, по одобреніи послѣднимъ, на усмотрѣніе правительства проектъ Устава Общества «Досуги сезона», поставившаго своей цѣлью способствовать конечнымъ цѣлямъ Р. Т. О., добиваясь духовнаго объединенія драматическихъ провинціальныхъ артистовъ въ одну большую артистическую семью. Средства для достиженія этой цѣли проектируемое Общество усматриваетъ въ «досугахъ» актера, которые оно намѣрено утилизировать: 1) для взаимнаго ознакомленія актеровъ другъ съ другомъ и съ обществомъ, 2) для обмѣна мыслей на почвѣ чистаго искусства и 3) для бесѣдъ по вопросамъ: а) о больныхъ сторонахъ русскаго театра, б) о русской общественной жизни и с) о театальной организаціи и наилучшемъ направленіи сценическаго искусства, которое способствовало бы нравственно-воспитательному воздѣйствію на общество изъ смысла народной школы. Въ означенномъ проектѣ Устава указываются, между прочимъ, способы, какъ устроить бесѣды во всѣхъ труппахъ, циркулирующихъ въ Россіи съ постоянно мѣняющимися составами, какъ руководить ими изъ общаго начала и какъ, наконецъ, пользоваться ихъ содержаніемъ и результатами.

Приступая къ такому важному шагу на пути стремленія къ достиженію завѣтныхъ цѣлей, мы были глубоко тронуты и образованы письмомъ г. Озаровскаго, напечатаннымъ въ 1-мъ № журнала «Театръ и Искусство» и бывшимъ предметомъ бесѣды нашей 15 сего января (14-я «суббота»).

Быть можетъ, письмо это придаетъ слишкомъ крупное значеніе нашей скромной дѣятельности, но, совместно съ поддержкой со стороны Р. Т. О — ства, оно доказало намъ, что мы не одиноки и что сущность затѣяннаго нами дѣла понятна. «Среди сомнѣній» и скептическихъ «усмѣшекъ» намъ особенно дорога эта смѣлая и дружеская поддержка. Поэтому мы просимъ многоуважаемаго товарища нашего Ю. Э. Озаровскаго принять нашу искреннюю благодарность за сочувствіе и доброе слово.

Отъ имени членовъ «Досуговъ сезона» М. Разудовъ.

Музыкальные замѣтки.

Ежегодный большой симфонический концертъ въ пользу Георгіевской общины прошелъ при громадномъ стеченіи народа, съ обычной давкой и толкотней при входѣ въ залъ, съ путаницей въ мѣстахъ, наконецъ, съ утомительно длинной и скучноватой программой, выслушать которую у многихъ не хватило терпѣнія.

Изъ участниковъ наиболѣй интересъ представлялъ дирижеръ Іосифъ Ребичекъ, съ которымъ наша публика познакомилась еще въ прошломъ году. Подъ его управленіемъ была сыграна Бетховенская увертюра «Леопольд», его собственная симфонія и Вагнеровская увертюра къ «Нюрнбергскимъ пѣвцамъ». Я остановлюсь нѣсколько на симфоніи, въ виду того, что и «Леопольд», и «Нюрнбергскіе пѣвцы» въ достаточной степени извѣстны музыкальной публикѣ. Замѣчу лишь, что обѣ увертюры были проведены съ большимъ пониманіемъ творческаго духа ихъ авторовъ. Нѣкоторые критики заявили, что симфонія Ребичека—произведение, лишенное самостоятельности. Такое заявленіе быть можетъ и глубокомысленно, но крайне туманно, ибо остается безъ указанія и подтвержденія о заимствованіи. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что безусловно оригинальной симфоніи не существовало со времени Бетховена. Быть можетъ, одинъ лишь Чайковскій обладалъ настолько сильнымъ талантомъ, что могъ давать симфоническія страницы съ полной самостоятельностью. Но большая или меньшая самостоятельность, если не въ формѣ, то въ идеѣ зависитъ отъ концепціи художника, отъ его пониманія смысла художественнаго произведенія. Удачное примѣненіе шаблонныхъ оркестровыхъ эффектовъ, назойливое повтореніе и выворачиваніе на всѣ лады пустышкой темки многими заправскими критиками принимается за умѣлое и талантливое мастерство. Таковы, напримѣръ, Брамсъ, Свендсенъ и многіе другіе изъ преславленныхъ критикой симфонистовъ. На самомъ же дѣлѣ это feinkonditer'ы. Есть великолѣпное изреченіе Фридриха Фишера: «истинное сознаніе искусства наивно; оно не знаетъ своего зрителя» (Fr. Vischer, Aesthetik, § 524), которое должно быть всегда приходить на память симфонистамъ, при работѣ надъ симфонической формой, а критику при ея оцѣнкѣ.

Слушателя симфоніи должна захватывать отвлеченная мысль, пробудившая творчество музыканта. Ничто иное не въ силахъ создать симфонію. Слушателю не важно опредѣлить ее съ безусловной точностью, ему достаточно ощущать ее въ волнахъ симфонической музыки. Это равносильно ясному сознанію присутствія абсолютнаго въ каждомъ дыханіи жизни, но кто можетъ вполне постичь его?

Симфонія Ребичека произведение задуманное, а не состряпанное изъ эффектовъ. Нужно имѣть поистинѣ тугое ухо, чтобы не замѣтить чудесныхъ мыслей въ *moderato-allegro* (I ч.) и мастерской разработкѣ *andante* (III ч.). Въ этомъ *andante* отмѣчу интересное развитіе части «*repos sur la dominante*» передъ возвращеніемъ къ первой темѣ. Слабѣе прочихъ частей, на мой взглядъ, заключительное *allegro con brio*, но нужно сказать, что прослушавъ лишь одинъ разъ симфонію, трудно опредѣлить, что лучше и что хуже. Несомнѣнно лишь то, что симфонія эта интересна и можетъ быть названа художественнымъ созданіемъ. Проведенная авторомъ съ увлеченіемъ, она имѣла большой успѣхъ у публики.

Квintетъ г. Глазунова, на столѣтній юбилей Пушкина, не въ обиду ему будетъ сказано, не изъ удачныхъ произведеній. Хорики слабоваты, не отвѣчающіе своей музыкой торжественнымъ и радостнымъ словамъ поэта К. Р.; написаны безъ подъема и звучатъ монотонно.

Что касается колыбельной и арии, то если онѣ и красивы сами по себѣ, то опытъ таки не отвѣчаютъ требованіямъ торжественности юбилейной кантаты. Меланхолія ихъ окончательно можетъ расхолодить радостное настроеніе собравшихся почествовать юбилейную память поэта. Соло пѣли г-жа Долина и г. Унгеръ-Федоровъ, оркестромъ управлялъ авторъ.

Про г-жу Долину я долженъ сказать, что появилась замѣтная вибрація голоса, и дыханіе, способъ употребленія котораго г-жа Долина, повидимому, измѣнила, слѣдилось короткимъ. Это отражается на тембрѣ пѣвнцы. Пѣла г-жа Долина, какъ всегда, музыкально и имѣла обычный успѣхъ.

Г. Федоровъ—пріятное явленіе. Его голосъ не представляетъ ничего особеннаго и красотой тембра не поражаетъ. Но онъ металиченъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не крикливъ, а главное—онъ обработанъ по указаніямъ прекрасной французской школы, благодаря которой регистры у пѣвца прекрасно выровнены, а вслѣдствіе этого голосъ свободно идетъ вверхъ. Слаба у пѣвца дикція, какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ. На первомъ пѣвецъ упирается на *O*, а на второмъ не усвоилъ себѣ произношеніе звука *e* (ai, é, è).

Пѣвецъ спѣлъ арію изъ «Африканки», которую бисировалъ и шансонетку г. Ц. А. Кюи» изъ оп. «Ангело», которую доктора ркомендуютъ отъ бессонницы. Шансонетка успѣха не имѣла.

Скрипачъ Арриго Серато оказался очень старгелнымъ виртуозомъ, но въ музыкальномъ отношеніи представлялъ мало интереснаго. Испанскихъ страстей въ его игрѣ тоже не много и онъ не производитъ значительнаго впечатлѣнія. Тонъ слабый и многіе замыслы артиста пропадаютъ, не доходя до слушателя. Публикѣ онъ понравился и игралъ на бисъ фокусную музыку Сарассате.

Піанистъ г. Сливинскій не имѣлъ большого успѣха, хотя исполнитель онъ недурной. Быть можетъ, концертъ Сень-Санса оказался черезчуръ серьезнымъ для публики этого концерта. На-дняхъ г. Сливинскій дастъ свой концертъ и я поговорю объ немъ болѣе подробно.

Б. М. Соловьевъ.

Впечатлѣнія и замѣтки.

Знаете ли вы, что составляетъ теперь въ Парижѣ театральную „злобу дня“? Возобновленіе „Прекрасной Елены“! Неизвѣстно, юбилейное это возобновленіе или просто возобновленіе. Со дня первой постановки прошло, вѣроятно, лѣтъ 35—40. У насъ, на сценѣ Михайловскаго театра „Прекрасная Елена“ была поставлена лѣтъ тридцать назадъ. Вскорѣ послѣ этого „Прекрасная Елена“ была поставлена на сценѣ Александринскаго театра. Г. Сазоновъ игралъ роль Париса, и говорить, хорошо игралъ... Недавно мнѣ попался на глаза рисунокъ Зичи, зарисовавшаго первую постановку „Прекрасной Елены“ на сценѣ Михайловскаго театра. Какой тонкій штрихъ! Художникъ рисовалъ не только хорошо, но можно сказать, со вкусомъ, любовно. Классическій разрѣзъ, съ точки зрѣнія академическаго рисунка, перспективы, ракурса, представлялъ въ своемъ родѣ „вѣнецъ созданія“...

Нынче „Прекрасная Елена“ у насъ потеряла всякій кредитъ. Бѣдная прекрасная Елена! Съ ней случилась грустная, однако, исполнѣ возможная исторія. Она была прелестна, со своимъ разрѣзомъ, вызывающей самоувѣренностью взгляда, сверкающей обнаженностью тѣла, со своимъ остроуміемъ, весельемъ, своей ирвией и блескомъ... Ея не стыдились, а наоборотъ, какъ будто яскал въ ней новаго слова. Какъ говоритъ генералъ Рампировъ въ „Дымѣ“ „après l'Orphée dans les Enfers le progrès a dit son dernier mot“. Это былъ канканъ, въ которомъ подозревали протестъ; это было цѣлое міросозерцаніе—откровенное, чувственно жалное, повергавшее кумиры, свергавшее авторитеты. Il nous faut de l'amour, ne fût il plus au monde!.. Въшенная жажда жизни, какъ ураганъ, пронеслась надъ публикой, — и формула этого была: „Прекрасная Елена“. Вотъ почему, оперетку ставили на образцовой сценѣ, вотъ почему Зичи отдавалъ ей свой карандашъ, вотъ почему, Сазоновъ игралъ Париса и всѣ напѣвали „трамъ блямъ“.

Но въ одинъ прекрасный день—скажемъ точнѣе: въ итогъ многихъ прекрасныхъ дней—„Прекрасная Елена“ изъ обольстительной прелестницы, открывавшей новыя формы жизни и олицетворявшей цѣлое міросозерцаніе, превратилась въ пожелую, ослѣвшую, разрыхлѣвшую даму въ неоправданномъ трико, которое пренебрежительно открывалъ грубый разрѣзъ. И какъ только догорѣли огни и облетѣли цвѣты, — всѣ въ одинъ голосъ сказали:

— Послушайте! Да вѣдь это просто „погибшее, но милое созданіе“!

— Совершенно вѣрно! И какъ это откровенно:

il nous faut de l'amour... Цинизмъ, доходящій до граціи...

И тогда участь „Прекрасной Елены“ была рѣшена. Она продолжала и продолжаетъ еще играть роль въ экономіи жизни, но не болѣе, какъ „жертва темперамента“, что-то вродѣ кафе-шайтана, куда, прѣзжая въ закрытую ложу, или уличной газетки, которую съ любопытствомъ просматриваешь, гдѣ-нибудь въ уди-неніи, которую не всегда рискуешь развернуть публично... Была, такъ сказать, маркиза Помпадуръ,

идей, мыслей по поверхности. Пошлость есть сотая или тысячная „репродукція“ образа. Предъ вами картина художника. Это—искусство, оригинальность. Она воспроизведена фототипически—это уже меньше искусство и меньше оригинальности. Съ фототипи сдѣлано цинкографическое клише. Еще меньше искусства и оригинальности. И наконецъ, когда цѣлый рядъ репродукцій съ копій распространить картину въ миллионахъ изображеній, и всѣ попривыкнуть къ ней, всѣ освоится съ ней, и всѣ внесутъ въ нее свое толкованіе—это будетъ уже несомнѣнная пошлость. „Miserere“ изъ „Трубадура“—была оригинально и вдохновенно арією до тѣхъ поръ, пока ее слушали немногіе, въ исполненіи близкомъ къ первоисточнику. Но затѣмъ арію начали навязывать всѣ шарманки, она вошла въ эстетическую сферу толпы, и стала пошлостью, вызывающею брезгливую гримасу у музыкально-образованнаго слушателя.

У насъ завоеванія, сдѣланныя „Прекрасной Еленой“, имѣли иной смыслъ, нежели на западѣ п преимущественно на родинѣ ея—во Фравціи. Къ „Прекрасной Еленѣ“ вели два пути. Во-первыхъ, „Прекрасная Елена“ была результатомъ длиннаго историческаго процесса, который дошелъ до заключительнаго слова.

Таков о
именно не-
посред-
ственное
значеніе
„Прекра-

Ж. Оффенбахъ.

Парисъ—Датрець. Елена—Симонъ-Жераръ.

«Прекрасная Елена» (къ возобновленію).

но какъ только отлетѣла покровительствующая эстетика,—стала просто содержанка...

Что дѣло именно въ карьерѣ самой „Прекрасной Елены“, а никакъ не въ насъ—мнѣ кажется совершенно ясно. Ибо мы едва ли стали чище и лучше. Вспомнимъ начало 60-хъ годовъ, и сравнимъ ихъ по живости, воспримчивости, съ нашими днями. Люди были молоды, идеи были молоды, направленія были молоды. Никогда такъ не процвѣтало „направленство“, и если Павелъ Кирсановъ, по логикѣ значительнаго большинства, долженъ былъ стыдиться, что читаетъ Пушкина, то казалось-бы, тѣмъ паче должно было горѣть отъ стыда общество, напѣвавшее „il nous faut de l'amour“ или „dis moi, Vénus, quel plaisir trouves-tu?“ И тѣмъ не менѣе „Прекрасная Елена“ царила надъ сердцами, во всемъ блескѣ своей вызывающей пикантности... „Прекрасной Елены“ еще не коснулась пошлость.

Что такое пошлость? Вотъ вопросъ, надъ которымъ у насъ очень мало думали. Пошлость есть царство толпы, демократизація, разсѣяніе чувствъ,

сней Елены“ во Франціи. Орестъ—Лавальеръ.

Страна завершила свой культурный циклъ; она прошла черезъ всѣ стадіи общественнаго прогресса, волновалась, низвергала, завоевывала. И все это, однако, оставило осадокъ горечи, сомнѣнія и неудовлетворенности. Фаустъ прошелъ всѣ тонкости науки, и въ результатъ, неудовлетворенный, возжелалъ фзическихъ наслажденій. Общественная или вѣрифе, культурная усталость Франціи, явившаяся результатомъ многовѣковаго напряженія, точно также обратилась къ эпикурейству. Оффенбахъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ болѣющимъ эпикурейцемъ, предпочитавшій самый обыкновенный, но реальный канканъ, величественному шествію историческихъ тѣней, и вся Франція того времени устрежилась вслѣдъ за нимъ на положительныя „радости жизни“, и гулко вторила куплетамъ изъ „Парижской жизни“.

Tout tourne, tourne, tourne,
Tout danse, danse, danse...

Къ „Прекрасной Еленѣ“, однако, можно придти и другимъ путемъ, и именно такъ пришла къ ней русская жизнь. Это было увлеченіе не усталыхъ и презрѣлыхъ скептиковъ, а совершенно неопытныхъ, юныхъ,

«Прекрасная Елена».

Елена—Лядова. Парисъ—г. Сазоновъ.

свѣжихъ „нутряныхъ“ людей. взвѣдѣвшихъ свѣтъ, и не разсмотрѣвшихъ, каковъ онъ и откуда. Въ пьесѣ г. Гнѣдича „Венецейскій истуканъ“ бояринъ Коптевъ, совершенно законченный истуканъ, въ смыслъ московской татарщины, является первымъ проводникомъ европейскихъ пачалъ въ русскую жизнь. „Еуропа“—говорить онъ, и его тупое, землистое лицо приобретаетъ оттѣнокъ блаженной невѣжливости. Г. Рыбаковъ, какъ мнѣ говорили, въ Москвѣ при словѣ „Еуропа“ даже приподнималъ ногу. Самый подходящий истуканскій жестъ.

Тоже произошло съ „Прекрасной Еленой“. „Еуропа“, говорили всѣ наперерывъ, и всѣ наперерывъ поднимали, въ знакъ восторга, ногу. Въ нашу простую, незатѣйливую, почти патріархальную жизнь, „Прекрасная Елена“ вторглась не какъ окончательный выводъ изоцрѣннаго опыта культурнаго человѣка, а во всей своей непосредственной наготѣ, какъ вполне законная, естественная и послѣдовательная форма воспріятія „европейскихъ“ началъ. Тамъ это было—отрицаніе, результатъ пресыщенія и усталости; у насъ—проповѣдь, откровеніе. „Еуропа“, говорили всѣ, смотря представленіе „Елены“ на сценѣ Александринскаго театра, и думали, что не мѣшало бы ввести преподаваніе такой „Европы“ въ институты и гимназій. И пикантная, и Еуропа. Подобно маркизѣ Помпадуръ, Елена явилась къ намъ во всемъ блескѣ своего ухвощеннаго кокетства, окруженная академическими сіяніемъ двухъ будущихъ академиковъ, Мелька и Галеви, и живительной, мелодической музыки, сыпавшей искры веселости. Мы брали усталость „Европы“, ея декадентство, ея шатаніе, ея извѣрившійся и надорванный „конецъ вѣка“, и воспринимали все это, какъ сущность европейской жизни и культуры.

У Гл. Успенскаго есть рассказъ, кажется, „Недоразумѣнія купца Таракамова“, гдѣ передается разговоръ съ фельдшеромъ Кузьмичевымъ, человѣкомъ, хотя и воспринявшимъ „Европу“, но осторожно, со

здравымъ смысломъ, съ нетронутымъ добрымъ народнымъ сердцемъ, а не съ „точки зрѣнія дуадо“, какъ овъ выражается. Разсказывалъ о паденіи нравовъ и о разныхъ видахъ неправды въ своемъ медвѣжьемъ углу, Кузьмичевъ особенно не одобряетъ женскій полъ, который безъ толку шатается на желѣзнодорожной платформѣ, и чуть-что, начинаетъ напѣвать:

Который былъ моимъ папашей,
Который былъ моимъ мамашей,

Эту строчку „который былъ моимъ мамашей“ необходимо приложить къ юбилею или къ возобновленію „Прекрасной Елены“, ибо въ ней отражается наше воспріятіе и претвореніе „Прекрасной Елены“. Этотъ миеологическій лебедь, прекрасный циклъ преданій античной культуры, надъ которымъ такъ дерзко смѣялась пожилая Европа, требовавшая „de l'ami, ne fut plus au monde“—во что превратился онъ у насъ?

Avec vaillance, moi je lu-u-utte..

А у насъ подхватывали:

Который былъ моимъ мама-а-а-шей.

Я не удивляюсь, когда говорятъ, что у насъ нѣтъ порядочной „Прекрасной Елены“. Порядочная Елена—это результатъ того, о чемъ поется въ опереткѣ:

Nos jours sont plats et fades

Это—женщина, созданная въ итогѣ длиннѣйшаго пути; это женщина, вынырнувшая изъ міросозерцанія, которое путемъ долгаго опыта и неуклоннаго анализа нашло трещины во всѣхъ, самыхъ сокровенныхъ сторонахъ своего существованія. Прекрасная Елена должна быть тонка, какъ осиная талія, которую „культивировали“ сотни поколѣній маркизъ де-Помпадуръ; она должна быть остра, какъ языкъ, на которомъ триста лѣтъ назадъ писала m^{re} de Sevigny. Наша жъ оперетка—это свѣжая и румяная дѣвица, вспоенная деревенскимъ воздухомъ, въ толстыхъ козловыхъ башмакахъ и съ чудеснымъ аппетитомъ. Ходитъ она по платформѣ, бросаетъ пламенные взоры на молодцоватаго оберъ-кондуктора и поетъ: „Который былъ моимъ мамашей“. Она и на сценѣ та же. Это ничего, что на ней бриллианты и розовое трико. Присмотритесь ближе, и вы увидите тѣ же козловые башмаки съ ухарскимъ скрипомъ, и то же здоровое, нутряное „несоответствіе“ жеста съ „который былъ моимъ мамашей“...

Homo novus.

ПЛАСУНЬЯ.

(Повѣсть).

I.

Шарманщика Алексѣева зналъ весь городъ. Кажется, это былъ единственный въ городѣ терзатель слуха мирныхъ обывателей. Ходилъ онъ въ своемъ неувидаемомъ, запла- танномъ въ разныхъ мѣстахъ, коричневомъ пальто, въ столь же терпкихъ и выносившихъ полосатыхъ панталонахъ и въ мягкой черной шляпѣ съ широкими полями и мелкимъ дномъ. Небольшого роста, худой, желтолицый, съ унылымъ выраженіемъ безцвѣтныхъ глазъ,—Алексѣевъ короталъ свой вѣкъ въ тускломъ подвалѣ сапожника Савельева, жившаго на краю города. Онъ снималъ у него сперва уголъ, потомъ комнату; сперва дичился онъ этого сапожника, какъ дичился вслѣдствіе

своей природной застѣнчивости всѣхъ на свѣтъ, потомъ сдѣлался съ нимъ загадочнымъ пріителемъ. Ихъ соединила общая страсть къ водкѣ, подъ вліяніемъ которой сапожники чинили всевозможныя безчинства надъ своею тощю, пзгнренно ежегоными родами, женою: билъ онъ ее „куда зря“, а протрезвленный падалъ къ ногамъ, цѣловалъ руки, плакалъ и просилъ прощенья. Иногда вмѣстѣ съ Алексѣевымъ ихъ забирали въ часть, ввергали въ клоповникъ и когда они тамъ, проспавшись, вытрезвлялись, выпускали опять на свободу. На сапожника смотрѣли, какъ на явленіе вполне естественное: „на то онъ и сапожникъ, чтобъ напиваться до безчувствія“, но къ Алексѣеву предъявляли высшія требованія, и приставъ всегда говорилъ ему: „Какъ тебѣ не стыдно? А еще артистъ!“ Алексѣевъ и самъ чувствовалъ, что слишкомъ „упалъ“ и что необходимо „подтянуться“, но не было къ тому слишкомъ побудительныхъ причинъ: онъ давно махнулъ на себя рукой и жаловался своему пріятелю, что „жизнь вынула изъ него все нутро“ и что ему все равно, что жить, что не жить. Пріятель не понималъ этого нравственнаго состоянія духа и, осклабляя свое одуловатое, черномазое, цыганскаго типа, лицо, говорилъ:

— Аказія! Вотъ кладъ-то! Кому оно понадобилось — нутро твое?

Такъ проходили годы, пока Алексѣеву не стукнуло 50 лѣтъ и въ жизни его не случилось обстоятельство, повергшее его въ нѣсколько иныя условія. Обстоятельство это было слѣдующее. Однажды въ квартиру къ нему вошелъ приставъ и привелъ съ собой черноволосую, худенькую дѣвочку, лѣтъ двѣнадцати.

— Ты отставной балетный артистъ, Петръ Алексѣевъ? обратился къ нему приставъ и вытащилъ изъ кармана какую-то бумагу.

— Я-съ, отвѣтилъ Алексѣевъ, мигая своими безцвѣтными глазами и не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вотъ тебѣ дочка, сказалъ приставъ, указывая на черноглазую дѣвочку.

— Какъ дочка? оторопѣлъ Алексѣевъ отъ изумленія.

Прпставъ ему пояснилъ, что въ Симбирскѣ умерла его жена и оставила сироту, которая по документамъ значитса его дочерью, такъ какъ Алексѣевъ былъ женатъ на выходной актрисѣ Аксиныѣ Бобивой до рожденія отъ нея этой дѣвочки.

— Это все такъ-съ, проговорилъ Алексѣевъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ: — только я съ нею никогда не жилъ. Она вѣнчалась со мною беременная и въ тотъ же день послѣ вѣнца ушла отъ меня.

— Это не мое дѣло. Маѣ предписано сдать тебѣ дѣвочку. Роспишись въ полученіи.

— Чѣмъ же я кормить ее буду? Я самъ-то по цѣлымъ днямъ не ѣвши сижу.

Но приставъ опять повторилъ ему, что „это не его дѣло“ и что по закону онъ значитса отцомъ, а слѣдовательно, и обязанъ взять дѣвочку къ себѣ на попеченіе.

— Роспишись, сказалъ приставъ и указалъ на бумагу, гдѣ Алексѣеву надлежало подписаться.

Когда приставъ ушелъ, а дѣвочка осталась наединѣ съ Алексѣевымъ, она заплакала. Алексѣеву стало жалко дѣвочку. Онъ положилъ на ея черноволосую головку свою ладонь и кротко проговорилъ:

— Не плачь, Богъ дастъ, какъ-нибудь проживемъ. Какъ тебя зовутъ?

Дѣвочка отерла свои глазки, подняла ихъ на Алексѣева, улыбнулась и отвѣтила: „Танею“.

Она была премиленная: въ особенности, хороши были глаза: большіе, черные, быстрые, съ огоньками...

Таню тотчасъ же пришли осматривать супруги Савельевы и, подивившись „случаю“, нашли, что дѣвочка „шустренькая“.

И дѣйствительно, Таня черезъ часъ совершенно освоилась съ новою обстановкою. Она своими быстрыми, прыгающими глазками успѣла рѣшительно все разсмотрѣть, замѣтить и осыпать Алексѣева кучею всевозможныхъ вопросовъ, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать.

— Вы на шарманкѣ играете? А что она играетъ? Почему у васъ такъ темно? А кто за стѣной живетъ? А какъ называется улица? и т. д.

Вслѣдъ за множествомъ этихъ незначительныхъ, но быстро сыпавшихся одинъ за другимъ, вопросовъ, Таня перешла къ повѣствованію о своей жизни. Алексѣевъ узналъ изъ этого повѣствованія, что его супруга мыкалась по всѣмъ городамъ Россійской имперіи, мѣняла друзей и привязанности, бѣдствовала и голодала, готовила Таню въ актрисы, такъ какъ „первый любовникъ ихъ трупы, который жилъ съ мамою два года“, находилъ въ ней талантъ. Таня росла и воспитывалась за кулисами, видѣла все то, чего не слѣдуетъ видѣть не только дѣтямъ, но и взрослымъ, знала въ лицо и по фамиліямъ всѣхъ поклонниковъ ингеніе и примадонны, бѣгала въ кабачекъ за водкой трагикъ, слушала скабрезныя словца безшабашнаго комика, а когда „мама служила въ опереткѣ“, то первая пѣвица Здобнова-Оголѣлова постоянно цѣловала Таню и заставляла даже своихъ любовниковъ дарить Танѣ конфеты.

— А вы меня чему учить будете? вдругъ спросила она Алексѣева и уронила на него такой лукавый взглядъ, что Алексѣевъ даже растерялся.

— Учить? Да чему же я могу тебя учить... Балету развѣ... тавцамъ.

— Вотъ хорошо! Учите меня танцамъ.

Вообще, Алексѣевъ замѣтилъ, что дѣвочка не изъ чувствительныхъ и сильной привязанности къ матери не имѣла. На другой же день, когда онъ пришелъ съ Савельевымъ выпивши и въ глазахъ его двоилось, Таня смотрѣла на него прыгающими, насмѣшливыми глазками и покатывалась со смѣху. Дѣло въ томъ, что Алексѣевъ съ Савельевымъ затруднялись перейти черезъ порогъ, и это потѣшало Таню. Борьба съ порогомъ продолжалась минутъ пять и въ эти пять минутъ Таня хохотала и поддразнивала Алексѣева: только что овъ хочетъ переступить этотъ рубиконъ, какъ Таня вскрикиваетъ: „ай, змѣя ва ногу кусаетъ!“ — и Алексѣевъ инстинктивно вздрогнетъ и опять оступится, а Таня держится за животь и хохочетъ до слезъ.

Къ воспринятію познаній балетнаго искусства она оказалась преспособною: у нея были глбкія ноги, подвижность и затаенная жажда счастливой будущности. Къ сожалѣнію, шарманка играла для танцевъ только два номера: качучу в „по улицѣ мостовой“.

II.

Городъ, въ которомъ проживалъ Алексѣевъ, считался могилою всякаго искусства, а потому антрепренеры его тщательно избѣгали. Да и кому было смотрѣть на это искусство, если чиновники играли въ карты, купцы попивали чаекъ въ трактирѣ и считали театръ бсовскимъ наводненіемъ, а такъ называемая червь неребивалась изо-дня въ день и каждый трудовой грошъ уходилъ на необходимыя жизненные потребности. Единственный театришко, перестроенный изъ какого-то манежа, былъ на-глухо забитъ всю зиму, если не приходила фантазія мѣсгнымъ любителямъ дать невинный спектакль съ благотво-

рительною цѣлью. Играли какую-нибудь „Бѣду отъ нѣжнаго сердца“, или „Простушку и воспитанную“ или водевилъ „Азъ и Фертъ“... Потомъ опять все замирало, и городской театръ бездѣйствовалъ. Алексѣевъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ городѣ, который развлекалъ публику своею шарманкою. Какъ онъ изъ балетнаго статиста превратился въ шарманщика,—это скорбная эпопея человѣческаго падевіи, полной неаходчивости въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и русской лѣни. Алексѣевъ готовился къ музыкальной карьерѣ (его отецъ игралъ вторую скрипку въ одномъ изъ большихъ провинціальныхъ оркестровъ), случайно попалъ онъ въ театральное училище, выпущенъ былъ въ балетъ, поссорился съ какимъ-то тамъ начальствомъ, былъ удаленъ, занялся было преподаваніемъ балетныхъ танцевъ, неудачно женился, запилъ, ушелъ въ глухую провинцію, гдѣ ему досталось какое-то жалкое наслѣдство и обратился опять къ звукамъ. То есть приобрѣлъ шарманку и принялся терзать слухъ обывателей.

— Все равно, какъ не бейся, а нищеты не миновать, — пришелъ онъ къ выводу послѣ своихъ многочисленныхъ неудачъ: такъ лучше ходить по улицамъ съ шарманкою и отдать себя на великодушныя публики. Съ голоду помру? Ну что жъ, туда дорога. Стыдно? Легкій трудъ? А чѣмъ онъ легче рубки дровъ или тасканія кувалды на пристани? Какъ повертишь ее цѣлый день, да исходишь всѣ улицы, — такъ точно въ тридцати сраженіяхъ побывалъ: руки ломить, хребетъ ноетъ, ноги отъ усталости, какъ колокола гудятъ. Чѣмъ онъ легкій? А дѣло-то того... все-таки музыка... Какой ни на есть, а артистъ... Душа все-таки отдыхаетъ... Не могу я безъ всякой музыки жить.

Одинокая, угрюмая, зашплененная была жизнь Алексѣева, или, какъ онъ выражался, „жизнь безъ нутра“. Ни чувствъ, ни стремленій, ни желаній, ни надеждъ. Было кое-что въ прошломъ, тоскливая пустота настоящаго и полное безразличіе въ будущемъ. Но неожиданное появленіе Тани, чужого ребенка, живого, смышленнаго и занимательнаго,

втиснуло вдругъ какое-то содержаніе въ эту отчаянную пустоту и онъ почувствовалъ себя семьяниномъ. Кѣмъ-бы и откуда-бы не было послано къ нему это живое существо, но онъ чувствовалъ, что существо это теперь „его“, близкое ему по силѣ роковой случайности и что на немъ лежитъ по отношенію къ этой дѣвчкѣ—долгъ. Таская по улицамъ свою шарманку, Алексѣевъ не относился такъ безразлично, какъ прежде, къ своему подвалу: его тянуло туда, тогда какъ прежде Алексѣеву было рѣшительно все равно, когда и въ какое время очутиться въ своемъ подвалѣ; даже, швыряемые ему, пятаки стали проливаться рѣже, и удовольствіемъ стало покупать на эти пятаки Танѣ пряники или леденцы.

— А вѣдь ты, дѣвчонку-то какъ свою полюбилъ! смѣялся ему Савельевъ:—даромъ, что съ вѣтру послана.

— Полюбилъ, соглашался съ Савельевымъ Алексѣевъ.

— Ничего, дѣвочка занятная... Глазенки прыгаютъ во всѣ стороны... Обучишь ее плясать,—помощницею будетъ... А можешь замужъ отдашь...

Но дѣвочка была уже съ этихъ лѣтъ артистка. Ее увлекала мечта забавлять толпу; сцена, кулисы, музыка, огни и апплодисменты, — составляли ея лучшія воспоминанія. Оставаясь одна въ комнатѣ, когда Алексѣевъ уходилъ съ своею шарманкою на заработки, Таня становилась передъ крошечнымъ зеркальцемъ, висѣвшимъ у нихъ въ простѣлкѣ, и начинала декламировать затверженные ею монологи изъ тѣхъ видѣнныхъ ею когда-то пьесъ, которыя особенно сильное впечатлѣніе произвели на ея душу. Она произносила ихъ съ мимикою, съ жестикаціями, стараясь поддѣлываться подъ тонъ памятной ей примадонны. Или, вспомнивъ оперетку, поднимала юбочку и принималась отплясывать канканъ съ совершенно такими же манипуляціями, какія были подмѣчены ею у опереточныхъ звѣздочекъ. Иногда заходила къ Танечкѣ Савельева и съ удовольствіемъ смотрѣла и слушала „представленіе“.

М. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Страничка изъ исторіи Тифлискаго театра.

(Къ 50-лѣтію грузинской сцены).

2 января 1900 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня, какъ въ Тифлисѣ впервые съ подмостковъ раздалась грузинская рѣчь. Юбилей грузинской сцены является въ то же время и юбилеемъ грузинской драматической литературы, которой до того времени не существовало.

Такъ какъ исторія грузинскаго театра тѣсно связана съ исторіей основанія и укрѣпленія русской сцены въ Тифлисѣ, то не лишнимъ будетъ прежде всего сказать нѣсколько словъ

о знаменательномъ въ исторіи Грузіи событіи — возникновеніи русскаго театра въ бывшей столицѣ Грузинскаго царства.

Кн. Воронцовъ, вновь назначенный намѣстникъ кавказскаго края, заботясь объ учрежденіи въ Тифлисѣ постояннаго русскаго театра, ассигновалъ на этотъ предметъ 2900 руб. и учредилъ для управленія театромъ дирекцію изъ 9 человѣкъ. 20 сентября 1845 г. временный театръ, устроенный въ манежѣ, былъ открытъ. Этотъ театрикъ былъ очень не великъ, вмѣщая всего 340 зрителей; въ виду этого кн. М. С. Воронцовъ заботился о постройкѣ настоящаго большого театра въ Тифлисѣ.

Благодаря содѣйствію почетнаго гражданина Тамашева, 15 апр. 1851 г., для публики былъ открытъ залъ новаго театра. Новое театральное зданіе обошлось около полуmillіона и представляло изъ себя грандіозное для Тифлиса сооруженіе

съ двумя большими подъяздами и каменными лѣстницами. Внутри театръ былъ отдѣланъ въ арабскомъ вкусѣ по рисункамъ и подъ руководствомъ художника кн. Гагарина. «Мертвымъ перомъ нельзя выразить всей прелести и шеголеватости, всей ювелирной отѣлки новаго зала», пишетъ графъ Соллогубъ въ статьѣ «Новый театръ въ Тифлисѣ» («Кавказъ» 1851 г. № 29)*).

Забота о бытѣ упроченіи тифлискаго театра, кн. Воронцовъ съ самаго начала его существованія приказалъ выдавать новому учрежденію денежныя пособія; такъ въ 1846 г. выдано 7000 р., въ 1847 г. — 3000 р., кромѣ того съ 1847 г. изъ городскихъ доходовъ стали отпускать по 4000 р.; въ виду необходимости кн. Воронцовъ въ 1849 г. испросилъ разрѣшеніе выдавать пособіе въ размѣрѣ 12 тыс. въ годъ. Такимъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи молодой театръ былъ обеспеченъ. Не менѣе заботился кн. Воронцовъ въ первые годы существованія тифлискаго театра о составѣ труппы. Уже въ февралѣ 1846 г. намѣстникъ обратился къ директору Императорскихъ театровъ Геденову съ просьбой выбрать и выслать въ Тифлисъ небольшую драматическую труппу изъ числа артистовъ Императорскаго театра.

Въ концѣ августа того же года 8 чел. артистовъ прибыли въ Тифлисъ.

Еще задолго до основанія театра въ Тифлисѣ время отъ времени давались любительскіе спектакли, въ которыхъ обыкновенно принимали участіе лица, приближенные къ намѣстнику. Спектакли ставились на небольшой домашней сценѣ тифлискаго гимназіи; разыгрывались пьесы на французскомъ и русскомъ языкахъ (между прочимъ «Горе отъ ума»). Благодаря пребыванію А. С. Грибоедова въ Тифлисѣ и женитбѣ его на княжнѣ Чавчавадзе, съ комедій его ознакомились здѣсь гораздо раньше, чѣмъ во многихъ городахъ Россіи. При князѣ Воронцовѣ спектакли любителей продолжались даже въ то время, когда въ манежномъ театрѣ подвизалась русская драматическая труппа. На этихъ спектакляхъ зародилась мысль написать и сыграть пьесу на грузинскомъ языкѣ и изъ туземной жизни. Въ бесѣдахъ на эту тему кн. Воронцову доложили, что по рукамъ ходитъ извѣстная грузинамъ комедія изъ жизни грузинскихъ помѣщиковъ «Раздѣлъ», написанная кн. Георгіемъ Эривомъ. По распоряженію намѣстника распределены были роли между любителями и 2 января 1850 года на сценѣ Тифлисской гимназіи представлена была первая грузинская комедія перваго грузинскаго драматурга. Ободренный успѣхомъ Эривомъ написалъ новую комедію «Дава» (тяжба), которая была поставлена пять мѣсяцевъ спустя, также любителями въ манежномъ театрѣ. Обѣ эти комедіи являются родоначальницами грузинской драматической литературы. Онѣ блещутъ юморомъ и ярко рисуютъ бытъ грузинскихъ помѣщиковъ конца сороковыхъ годовъ. Живая, блестящая разговорная рѣчь, испещренная bons-mots, столь свойственные грузинскому языку, является главнымъ достоинствомъ всѣхъ комедій г. Эрива и грузинскій историкъ П. Чоселани не даромъ называетъ Эрива «творцомъ новаго литературнаго языка».

Послѣ двухъ грузинскихъ спектаклей всѣ сомнѣнія о возможности имѣть постоянную грузинскую сцену должны были исчезнуть. Оставалось создать грузинскую труппу, и на кн. Эрива была возложена эта обязанность. Задача эта была не изъ легкихъ, такъ какъ патріархальность и прадѣловскія понятія, царившія въ жизни грузинскаго общества, много способствовали извращенію взгляда на сценическую дѣятельность. Быть актеромъ по понятіямъ тогдашнихъ грузинъ — значило быть окончательно понапачимъ человекомъ. Это обстоятельство побудило кн. Эрива ѣхать въ деревню и тамъ набирать свою труппу. Разными ухищреніями, между которыми не послѣднюю роль играли заманчивыя обѣщанія отъ имени могущественнаго намѣстника, цѣль, наконецъ, была достигнута. («Кавказъ» 1854 г. № 277). Въ особенности трудно было организовать женскій персоналъ. Будущихъ артистокъ сманили въ труппу тѣмъ, что обѣщали имъ перспективу легкаго выхода замужъ... Въ концѣ 1850 г. кн. Эриву все-таки удалось сформировать труппу.

1 января 1851 г. новая труппа выступила въ комедіи «Раздѣлъ». «Исполненіе этой комедіи на тифлисской сценѣ имѣетъ огромное значеніе, говоритъ рецензентъ газеты «Кавказъ» (1851 г. № 1). Играли грузинскіе актеры, играли на грузинскомъ языкѣ, играли пьесу написанную грузиномъ». Послѣ первыхъ двухъ пьесъ кн. Эривомъ написалъ комедіи: «Скряга», «Коммисаръ заштатнаго города» и передѣлалъ водевилъ «Бабушкины попугаи». Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ грузинская сцена поддерживалась пьесами одного кн. Эрива, который писалъ, ставилъ и училъ актеровъ. Вскорѣ явился И. И. Кереселидзе съ переводомъ пьесы «Законданный принцъ». Затѣмъ, вступившіе въ 1851 г. въ составъ грузинской труппы, три новыхъ члена: Захарій Антоновъ (армянинъ), Мейпаріани и Джапаридзе оказались не только хоро-

шими актерами, но и драматическими писателями, въ особенности Антоновъ — обогатившій репертуаръ десяткомъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ, изъ которыхъ многія до сихъ поръ на ряду съ комедіями кн. Эрива служатъ украшеніемъ грузинской сцены*).

Въ 1851 г. въ составъ дирекціи вступилъ гр. Соллогубъ, назначеніе котораго составляетъ эпоху въ исторіи тифлискаго театра. Идя навстрѣчу желанію намѣстника, гр. Соллогубъ организовалъ для ново-открытаго Тамашевскаго театра три труппы: русскую драматическую, италіанскую оперную, и грузинскую драматическую. Два сезона 1851—52 и 1852—53 грузинскіе спектакли шли прекрасно, привлекая въ театръ въ большомъ числѣ туземную публику. Репертуаръ все обогащался, впрочемъ, почти исключительно пьесами кн. Эрива и З. Антонова, плодотворность которыхъ по истинѣ изумительна.

Въ 1853 г. директоромъ театра былъ назначенъ С. С. Богдановъ, и дѣла грузинской труппы приняли печальный обо-

Театръ въ 1851 году.

Тифлисскій театръ въ 1851 г.

ротъ. Новый директоръ не находилъ особой пользы въ грузинской сценѣ, ежегодно поглашающей изъ театральнаго бюджета по 4000 р. При безпрестанныхъ репетиціяхъ на сценѣ русскихъ драматическихъ спектаклей, оперы и балета, появившагося въ этотъ сезонъ, не находилось времени для репетицій грузинской труппы. Грузинскія пьесы стали назначаться передъ или послѣ италіанской оперы. Такая постановка дѣла охладила публику, стали раздаваться протестующіе голоса, проникшіе и въ печать. Между тѣмъ, Богдановъ, задавшись мыслью сократить содержаніе труппамъ, предложилъ отпускать грузинской труппѣ только по 2000 р., но его проектъ не былъ принятъ. Тогда Богдановъ сталъ удерживать деньги, ассигнованныя на костюмы для грузинскихъ пьесъ...

Въ сезонъ 1854—55 г. благодаря настойчивымъ требованіямъ печати, грузинскіе спектакли были отдѣлены отъ русскихъ, и театръ сталъ переполняться туземной публикой. Но этотъ сезонъ былъ послѣднимъ сезономъ существованія грузинскаго театра. По случаю кончины Императора Николая I театръ былъ закрытъ и труппа совершенно распушена. вмѣстѣ съ грузинской труппой по волѣ новаго намѣстника ген.-ад. Н. Н. Муравьева распушены были артисты оперной италіанской и русской драматической труппы. Ген. Муравьевъ находилъ расходы по содержанію театра чрезвычными и считалъ будущее время возможнымъ имѣть только одну русскую труппу. Когда грузинскіе актеры обратились съ просьбой разрѣшить устраивать въ театрѣ еженедѣльные спектакли имъ въ этомъ было отказано. Отказано было и во второй просьбѣ И. Кереселидзе, уполномоченнаго грузинскихъ актеровъ, который просилъ въ виду приближенія окончанія срока контракта съ русскими актерами, «дозволить грузинской труппѣ давать представленія въ казенномъ театрѣ еженедѣльно по средамъ, какъ и было прежде». Интересно, что мотивомъ отказа послужила та причина, что просьба была «написана на простой бумагѣ и въ оной не обозначено имя сочинителя и переписчика».

—086.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Театръ этотъ сгорѣлъ 11 октября 1874 г.

*) Къ сожалѣнію, З. Антоновъ преждевременно сошелъ въ могилу: онъ умеръ въ 1854 году.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КАЗАНЬ. Зимній сезонъ на исходѣ; артисты начинаютъ подумывать о будущемъ. Казалось бы, что это не должно было быть такъ—вѣдь у насъ «товарищество». Но у насъ какъ-то такъ слагается дѣло, что мы, изъ года въ годъ, теряемъ наиболѣе талантливыхъ дѣятелей. Г-жи Авогарова, Велизарій, Немирова-Ральфъ, Шебуева, Голубева, Рыбчинская, Петица и гг. Самойловъ, Агаревъ, Шуваловъ, Петица и др.

И вотъ мы слышимъ о новыхъ потеряхъ: подписала контрактъ въ Харьковѣ г-жа Свободина-Барышева, старѣйшій членъ «товарищества», одна изъ его учредительницъ; уходитъ въ Москву г. Соколовскій, пользовавшійся любовью казанской публики за свою всегда обдуманную, прекрасную игру; говорятъ объ уходѣ г. Каширина, такъ хорошо играющаго бытовые роли; наконецъ оставляетъ «товарищество» и г. Гаринъ.

По слухамъ, послѣдній надѣется служить у насъ, въ Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ. Г. Гаринъ одинъ изъ «столбовъ» «товарищества» г. Бородай, служить въ немъ едва-ли не съ основанія его въ Харьковѣ. На казанской сценѣ онъ подвизается шесть лѣтъ. Первые годы онъ занималъ амблуду простаковъ и игралъ нѣкоторые русскія, характерныя роли, но выстулялъ и въ комическихъ роляхъ.

Къ числу прекрасно исполняемыхъ имъ ролей въ текущемъ сезонѣ прибавилась еще роль—типъ Фердыщенко,—въ «Идиотѣ». На дняхъ состоялся бенефисъ г-жи Шателенъ, для котораго была поставлена пьеса «Ранняя осень» Е. П. Карпова. Артистка была осыпана по провинціальному обыкновению билетами.

«Царь Ѳеодоръ» прошелъ 6 разъ, «Идиотъ»—5 разъ, «Заба»—4 раза. Послѣдняя пьеса вызываетъ самые разнородные толки; нѣкоторая часть публики возмущается «откровенностью» пьесы, другая же часть говоритъ о правдивости, жизненности ея, но—какъ та, такъ и др. часть публики буквально переполняетъ театръ, когда идетъ «Заба». 4 раза прошла и пьеса «Новый мѣръ».

Въ настоящемъ сезонѣ передъ нами все болѣе и болѣе выясняется сценическая личность молодой артистки Иртеневой. Г-жа Иртенева выступаетъ довольно часто. Только на дняхъ мы видѣли ее въ пьесѣ «Забава», въ роли Христини. Въ этой роли г-жа Иртенева выказала значительную силу драматизма. Благодаря теплой и сильной игрѣ этой артистки и живой, веселой игрѣ г. Михайловича-Дольскаго (Теодоръ)—эта пьеса смотрѣлась съ захватывающимъ интересомъ. Мимоходомъ замѣтимъ оригинальную постановку декораций перваго дѣйствія пьесы. Наши декорации—довольно большое мѣсто: они, что грѣхъ таить,—въ большинствѣ староваты... Не мѣшало бы защитить артистовъ отъ того полярнаго холода, что паритъ на нашей сценѣ.

Все болѣе и болѣе симпатіею казанской публики начинаютъ пользоваться артистъ А. П. Смирновъ. Исполненіе имъ ролей Богдана Корюкова въ «Ѳеодорѣ Іоанновичѣ», Расплюева въ «Свадьбѣ Кречинскаго», Кузовкина въ «Нахлѣбникѣ» и старика-идеалиста Человѣка бо-хъ годовъ, въ пьесѣ «Чужіе», Потапенко и мн. др. ролей показало намъ, что тѣ сердечныя овалы, какихъ удостоился этотъ талантливый умный артистъ во время празднованія въ минувшемъ 1899 г. его 25-ти лѣтняго юбилея, имъ вполне заслужены.

Въ заключеніе—печальный фактъ: почему-то «Нахлѣбникъ»—этотъ бриллиантъ чистѣйшей воды въ ряду сценическихъ произведеній И. С. Тургенева—шелъ не вполне; дано было только первое дѣйствіе!.. Впрочемъ, такое калѣченіе художественныхъ произведеній намъ не ново, такъ напр., изъ «Маскарада» М. Ю. Лермонтова была выкинута вся сцена отравленія Нины...
Н. О. Юшкова.

НОВОЧЕРКАССКЪ. За послѣднее время въ труппѣ С. И. Крылова произошли двѣ важныя перемѣны къ лучшему. Въмѣсто г. Звѣздича, приглашенъ на первыя роли резонеровъ Ѳ. А. Омарскій, дебютировавшій 6-го января въ заглавной роли пьесы «Велизарій». Хотя дебютъ этотъ вышелъ не вполне удачнымъ, такъ какъ въ настоящее время роль Велизарія, кажется, уже никому не по-плечу, однако въ слѣдующемъ же спектаклѣ прекраснымъ исполненіемъ роли Анавія Яковлева («Горькая судьбина») г. Омарскій показалъ, что труппа наша приобрѣла въ лицѣ его хорошаго артиста на бытовыя и характерныя роли. Затѣмъ съ 13 января въ составъ труппы вступилъ извѣстный артистъ Императорскихъ театровъ И. Н. Грековъ, уроженецъ Донской области и давній любимецъ ново-черкасскаго публики. Г. Грековъ выступилъ пока въ трехъ спектакляхъ (13, 16 и 20 января) и настолько поднялъ сборы, что, безъ сомнѣнія, успѣлъ уже окупить свое мѣсячное жалованье. Объ игрѣ этого артиста, да еще и въ излюбленныхъ имъ роляхъ, распространяться, конечно, нечего; но мы счастливы отмѣтить, что участіе въ спектакляхъ такого опытнаго, авторитетнаго и пользующагося общимъ уваженіемъ артиста сдѣлало нашу труппу почти неузнаваемой, и всѣ три спектакля: «Ревизоръ», «Правда хорошо, а счастье лучше» и «Невольницы»

прошли прекрасно. Такъ, въ пьесѣ Островскаго «Правда хорошо...» всѣ исполнители [гг. Омарскій (Барабашевъ), Медвѣдевъ (Меркулычъ), Чупровъ (Мухоморовъ), г-жи Невѣрова (Мавра Тарасовна), Колосова (Поликсена), Расказова (Фелицата), Агасова (Зыбкина) и въ особенности г. Двинскій (Платонъ)] были очень хороши и типичны.

Г. Двинскій, нынѣ режиссеръ, благодаря своему въ высшей степени добросовѣстному отношенію къ дѣлу, давно побѣдилъ отмѣченную мною въ началѣ сезона какую-то холодность и предубѣжденіе публики и мѣстной печати. 25-го января состоится его бенефисъ, для котораго онъ ставитъ трагедію Шекспира «Ромео и Джульетта», и я заранѣе увѣренъ, что спектакль этотъ пройдетъ съ крупнымъ успѣхомъ.

Кстати, о бенефисахъ. Къ концу сезона они у насъ сыплются, какъ изъ рога изобилія; но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ проходятъ... какъ бы слѣдовало. Такъ, бенефисъ Г. И. Чабана, опера «Демонъ» (3-я акт.)—съ участіемъ опернаго артиста К. К. Данилова («Демонъ»), любительницы г-жи Гречановской (геній добра) и октависта Войскового хора Г. Нюхина (старый слуга), давъ полнѣйшій сборъ, но прошелъ въ общемъ какъ-то безцвѣтно. Г. Даниловъ оказался по игрѣ совсѣмъ «безстрастнымъ» духомъ зла и пѣлъ... какъ въ благотворительномъ концертѣ, хотя блеснулъ прекрасными голосовыми средствами. Г-жа Лелина (Тамара) также не удержалась на высотѣ своего положенія оперной артистки. То же нужно сказать и объ остальныхъ упомянутыхъ и не упомянутыхъ исполнителяхъ, за исключениемъ лишь самого бенефицианта, который былъ хуже другихъ и, какъ говорится, провалилъ партію Синодала. Хоры были жидки; кушоръ множество.

Совсѣмъ безобразно прошла оперетка «Корнарини, дожъ Венеціанскій» въ бенефисъ режиссера С. П. Медвѣдева. Такой балаганщины мы уже давненько не видавали, если не считать пресловутой постановки «Парижской жизни».

Вполнѣ удачно, весело и оживленно, при хорошихъ сборахъ и подношеніяхъ, прошли бенефисы гг. Дубецкаго (11-го янв.), Форесто (14-го), г-жъ Разказовой (18-го) и Славинъ (21-го).

Въ заключеніе сообщу отрадную для мѣстныхъ театраловъ новость. С. И. Крыловъ, какъ увѣряютъ, уже пригласилъ въ качествѣ режиссера на сезонъ 1900—1901 г. И. Н. Грекова и поручилъ ему самому составить для Новочеркасска драматическую труппу. Имя почтеннаго артиста служить намъ надежной порукой, что труппа эта дѣйствительно будетъ хороша, равно какъ и репертуаръ будущаго сезона.
Матюговъ.

САРАТОВЪ. На этотъ разъ немного о симфоническомъ концертѣ, состоявшемся въ городскомъ театрѣ 15 января. Здѣшнее Отдѣленіе И. Р. М. Общества не имѣетъ собственнаго оркестра, почему устроеніе симфоническихъ концертовъ у насъ находится въ прямой связи съ пребываніемъ въ Саратовѣ опернаго театральнаго оркестра, который для симфоническихъ собраній обыкновенно усиливается мѣстными музыкантами-любителями.

Дирижеромъ оркестра явился пріѣхавшій изъ Харькова, директоръ Харьковскаго Отдѣленія, не безызвѣстный въ музыкальномъ мѣрѣ г. И. И. Слатинъ. Пріѣздъ послѣдняго и скрипача г. Горскаго—отвѣтная любезность здѣшнему Музыкальному Обществу. Нашъ директоръ музыкальнаго училища С. К. фонъ-Экснеръ ѣздилъ въ Харьковъ для участія въ одномъ изъ камерныхъ вечеровъ и вотъ теперь, въ результатѣ, обмѣнилъ музыкальными силами.

Оркестровая программа концерта (увертюра «Леонора», № 3), Бетховена, увертюра къ оп. «Дмитрій Донской» и симфонія Шумана (№ 4-й, ор. 120) сыграна была съ большимъ воодушевленіемъ, чему много способствовало вообще приподнятое настроеніе какъ музыкантовъ, такъ и всего, почти переполненнаго, зрительнаго зала.

Г. Горскій на память сыгралъ концертъ Чайковскаго. Скрипачъ очень хорошо справился съ колоссальными техническими трудностями этого единственнаго скрипичнаго концерта Чайковскаго.

Въ вокальной программѣ концерта исполненіемъ романсовъ выступили препод. музыкальнаго училища г. Селивановъ и артистка здѣшней оперы г-жа М. Н. Полякова. Послѣдняя имѣла внѣшній успѣхъ.
И-то.

КОВНО. Въ нашемъ театрѣ гастролируетъ въ настоящее время г. Левицкій. Г. Левицкій выступилъ 2-го января въ «Маскарадѣ» Лермонтова. Затѣмъ сыграны: «Скупой рыцарь», «Другъ Фритцъ», «Смерть Іоанна Грознаго», «Отелло», «Измаиль», «Укрошеніе строптивой». Сборъ недурный а «Трилогія» Толстого идетъ при полныхъ сборахъ.

РИГА. Дѣла дирекціи русскаго театра за послѣдній мѣсяцъ значительно поправились, такъ что теперь можно съ увѣренностью сказать, что текущій сезонъ пройдетъ безъ убытковъ, а пожалуй, даже съ прибылью, чего не было въ предыдущіе два сезона. Репертуаръ въ декабрѣ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Девятый валъ», «Казнь» (бен. г-жи Поляковой), «Женская чепуха», «Ревизоръ» (бесплатный—для учащихся), «Марія Стюартъ», «Коварство и любовь», «Борьба за счастье» (бен. г. Свитова), «Майорша», «Блестящая карьера» (бен. г-жи Самаринъ), «Двѣ сиротки», «Царская невѣста»,

«Дядя Ваня», «Честный малый», «Ритта», «Дочь русского актера» и «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ» (два раза *)). Последняя пьеса, на постановку которой сдѣланы затраты и обращено особенное вниманіе, идетъ по возвышеннымъ цѣнамъ и при полныхъ сборахъ. Главныя роли распределены между гг. Діевскимъ (царь Ѳеодоръ), Матковскимъ (Борисъ Годуновъ), Ильковымъ (кн. И. П. Шуйскій), Рахмановой (Ирина) Поярковой (кн. Мстиславская). Всего за 13 спектаклей въ декабрѣ валового сбора было 3898 р. 52 коп., т. е. на 1341 р. 22 к. больше прошлогодняго. Это—большой прогрессъ. Директора воспрянули духомъ, актеры, играя при большихъ сборахъ, тоже довольны, что и требовалось доказать. Впрочемъ, послѣднимъ жаловаться и не приходилось: несмотря на дефицитъ прошлаго мѣсяца, жалованье уплачивалось аккуратно, какъ изъ казначейства, даже многіе забирали впередъ.

Въ Митавѣ за это время было дано три спектакля: 7-го декабря—«Идіотъ» (320 р.), 20-го—«Казнь» (280 р.) и 30-го «Безчестные» и «Сыщикъ» (328 р.). Последній спектакль былъ данъ въ пользу труппы и принесъ на марки (по окладу жалованья) за всѣми расходами по 6½ коп. на рубль. Слѣдующій спектакль въ пользу актеровъ за безвозмездныя поѣздки по предложенію дирекціи состоится на масляницѣ.

Въ прошедшей корреспонденціи вкралось двѣ досадныхъ ошибки: цифра валового сбора за ноябрь показана на 100 рублей менше и въ сообщеніи о сокращеніяхъ въ пьесѣ «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ» сказано, что вымараны (вслѣдствіе миниатюрности рижской сцены) двѣ картины—на Лужѣ и у Архангельскаго собора, тогда какъ послѣдняя картина идетъ и настолько хорошо, что производитъ на зрителя глубокое впечатлѣніе.

2-го января «Ѳеодоръ Іоанновичъ» шелъ въ третій разъ (опять по возвышеннымъ цѣнамъ) и на кассѣ красовался аншлагъ.

Въ городскомъ нѣмецкомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ идетъ передѣлка «Стараго закона» кн. Сумбатова подъ названіемъ «Im Dienst» (на службѣ). Передѣлка сдѣлана въ общемъ недурно, но зачѣмъ-то перекройщику понадобилась роль Батунина сына уничтожить, а его слова вложить въ уста Ульина, выведеннаго въ 1-мъ актѣ еще штатскимъ. Ульинъ

Сумбатова, наивный, неглупый юноша, Илья-же—дуракъ à la lettre. Курьезно также видѣть у русскихъ чисто нѣмецкую аккуратность: въ 4-мъ актѣ, когда Осетинъ объявляетъ о походѣ и рассказываетъ въ короткихъ словахъ планъ дѣйствій всѣ офицеры, какъ по командѣ, вынимаютъ изъ кармановъ одинаковаго формата и переплета записныя книжки и вносятъ въ нихъ слова командира... Роль Бриста сокращена и онъ ходитъ безъ котенка, что отнимаетъ трогательную черточку доброты у наружно-невозмутимаго нѣмца.

Дилетантъ.

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ

съ 31-е января по 7-е февраля 1900 года.

Александринскій театръ. — 31-го января «Лѣсъ», — 2-го февраля «Выгодное предпріятіе», — 3-го «Накипь», — 4-го бенефисъ г. Дальскаго, «Отелло», — 6-го: утромъ «Биронъ», вечеромъ «Закатъ».

Михайловскій театръ. 24-го января «Отчій домъ», — 1-го февраля «La dot de Brigitte», — 2-го «Cyrano de Bergerac», — 3-го «La dot de Brigitte», — 4-го «Cyrano de Bergerac», — 5-го Bénéfice de M-r Cooper. «Joli sport», — 6-го «Joli sport».

Маринскій театръ. 31-го января «Фаустъ», г-жи: Болска, Фриде, Каменская; гг. Морской, Гулевичъ, Смирновъ, Бухтояровъ и др.), — 2-го «Корсаръ» (г-жи Леняни и Преображенская), — 3-го «Тристанъ и Изольда» (г-жи Литвинъ, Каменская; гг. Ершовъ, Карелинъ, Лабинскій, Угриновичъ, Смирновъ, Серебряковъ, Гулевичъ и др.), — 4-го «Юдифъ» (г-жи Куза, Долина; гг. Морской, Чупрыниковъ, Лабинскій, Ивановъ, Яковлевъ, Бухтояровъ, Фрей, Касторскій, Климовъ 1-й, Поляковъ и Преображенскій), — 5-го маскарадъ въ пользу Императорскаго русскаго театральнаго общества, — 6-го утромъ «Аида» (г-жи Литвинъ, Фриде; гг. Морской, Лабинскій, Тартаковъ, Серебряковъ и Майборода), вечеромъ «Лебединое озеро» (г-жи Леняни и Петипа 1-я). «Маркобomba».

*) Наслѣдникамъ гр. Толстого авторскаго гонорара уплачивается ежеспектакльно по 8% съ валового сбора! «Немногожко множи», какъ говорятъ нѣмцы.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Замѣчательный спросъ и громадный сбытъ дали намъ возможность удешевить граммофоны и пластинки **ДО МИНИМУМА**. Цѣна американскаго, англійскаго или нѣмецкаго аппарата съ доставкою во всѣ города Имперіи — **ТОЛЬКО 45 р.**

Громадный выборъ пьесъ въ исполненіи артистовъ Императорской русской оперы, итальянской и франц. оперы. спевъ имѣются **ТОЛЬКО**

СПБ. Владимірскій пр., д. 4.

Торговый Домъ П. Н. Скуридинъ.

№ 1208 (2—2).

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу выпускъ I
роскошно иллюстрированнаго юбилейнаго изданія

М. Г. САВИНА.

Биографическій очеркъ В. Протопопова съ характеристиками Д. В. Аверкіева, П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, П. П. Гнѣдича, А. А. Потѣхина

ВЪ ТРЕХЪ ВЫПУСКАХЪ.

Цѣна I выпуска на слоновой бум. 1 р. 50 к., на мѣловой бум. 2 р. 50 к.

Второй выпускъ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ Января, третій приготовленъ къ печати и появится въ серединѣ Февраля.

Получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“.

Желающие подписаться на всѣ 3 выпуска по цѣнѣ: на слоновой бум. 3 р. 50 к., на мѣловой—6 руб. (послѣдніе печатаются въ ограниченномъ количествѣ) обращаются исключительно въ складъ изданія:

СПБ. Товарищество „Трудъ“, Фонтанка, 86.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ

МЫЛО

НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.

Косметина А. ЭНГЛУНДА.

Для вѣжности лица. Цѣна 50 коп.
Остерегаться поддѣлокъ. Требо-
вать подписи А. Энглундъ крас-
ными чернилами. Получать можно
во всѣхъ извѣстныхъ аптекар-
скихъ и парфюмерныхъ торго-
выхъ Россійской Имперіи.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЫ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН-
ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ. Гороховая, 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

1252 (12—1)

СДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

ОМСКІЙ ТЕАТРЪ-ЦИРКЪ

съ 6-го Мая текущаго года. Театръ по-
мѣщаетъ по обыкновен. цѣнамъ 650, по
возвышеннымъ болѣе тысячи рублей.
При театрѣ имѣются декораціи, мебель,
бутафорія. Желательно имѣть на Май
и Іюнь малороссовъ, Іюль и Августъ
оперетку или наборокъ. ва зиму драму
и водевили съ пѣніемъ. Адресовать: а:
Омскъ, Мокринскій форштадтъ, 1-й
въвозъ, домъ Попова, къ владѣльцу
зданія Петру Козьмичу Сичкареву.

№ 1270 (2—2).

ТЕАТРЪ

лѣтній передается во 2-мъ Парголовѣ.
Усл.: Изм. пол. 2 рота, д. 17, кв. 4.

Высылается бесплатно каталогъ

Театральныхъ пьесъ

продающихся по дешевой цѣнѣ у Кни-
гопродавца Семенова. СПб. Симеонов-
ская ул. д. 9.

№ 1271 (1—1)

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Лени, В. А. Казанскій.

Репертуаръ: Воскресенье, 30-го января: 1) „Контролеръ спаль-
ныхъ вагоновъ“; 2) „Подайте мнѣ ребенка“ Понедѣльвикъ, 31-го: Бе-
нефисъ артистки Е. Л. Станилевичъ: 1) „Бѣлый конь“; 2) „Жрецы Аму-
ровъ“. Вторникъ, 1-го февраля спектакля нѣтъ. Среда, 2-го: 1) „Ночь
любви и приключеній“; 2) „Дамскій фотографъ“. Четвертъ, 3-го: Полное
повтореніе бенефиса М. Н. Воронцовой-Лени, 1) „Жрецы Амуровъ“; 2)
„Супруга папены“. Пятница, 4-го: Полное повтореніе бенефиса А. М. Го-
ринъ-Горайнова. 1) „Бѣлый конь“; 2) „Вѣчная юность или эликсиръ жизни“. Суббота, 5-го: бенефисъ артистки Е. Г. Кони-Стрѣльской. Двѣ новинки.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Новая обстановка.

К. Шапиро.

Фотографъ Ихъ Императорскихъ Высо-
чествъ В. К. Владиміра Александровича,
В. К. Маріи Павловны и фотографъ Им-
ператорской Академіи Художествъ, сви-
маетъ ежедневно по слѣдующимъ умень-
шеннымъ цѣнамъ:

12 кабинетъ., прежде 10 руб., теперь
6 руб., эмалиров. 8 руб.

12 америк., прежде 20 и 15 руб., те-
перь 10 руб., эмалиров. 12 руб.

12 бударныхъ, прежде 30 и 25 р., те-
перь 15 р.

Съ особенною любовью сні-
маю дѣтей.

Также убавлены цѣны съ большихъ пор-
третовъ и группъ. Единств. фотогр.
Бол. Морская, 12, уг. Невскаго.

№ 1266 (50—2)

Черниговская городская Управа

ПРЕДЛАГАЕТЪ СНЯТЬ

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

въ пользованіе на сезонъ 1900—
1901 гг. Срокъ подачи заявленій до
15 Апрѣля. Краткія условія высы-
лаются почтою.

№ 1269 (3—2).

ПОЛНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО:

Библиотека, декораціи и костюмы
для драмъ, комедій и феерій от-
даю на прокатъ и продаю. Пред-
лагаю свои услуги какъ админи-
страторъ и режиссеръ для народ-
ныхъ и общедоступныхъ театровъ
съ имуществомъ и безъ оного.

Адресъ: Москва, домъ Фальцъ-
Фейнъ, № 22. Павлу Ананье-
вичу Соколову-Жамсонъ или
Бюро Русскаго Театральнаго
Общества. № 1268 (2—1).

„ДОРОГОЙ ЦѢНОЮ“

Драма въ 4-хъ д. и 5-ти карт.

А. ДЮМА

пер. Е. Вильянской. Цѣна комплекта
пьесы съ ролями (лит. изд.)—2 р. 50 к.
Театральн. библ. Волкова-Семенова.
Троицкій 10.

№ 1268 (4—2).